

Luftwaffe-льники Часть 3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Козлов

Игорь Владимирович Козлов

Luftwaffe-льники. Часть 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63995301

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98528-5

Аннотация

Заключение истории о нелегкой курсантской жизни в несуществующем на сегодняшний день доблестном Пермском ВАТУ. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Честь мундира	4
Быстрее звука	16
Энтузиазм гастарбайтеров	18
Игра в прятки	20
Посылка	23
Долг вежливости	30
Тем, кому за 30	36
23 февраля	51
Членовредитель	57
Химический день	71
Травля тараканов	79
Мороз	84
Зомбоящик	108
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Игорь Козлов

Luftwaffe-льники. Часть 3

Честь мундира

Суббота. Время неуклонно идет к ужину. Это, несомненно, радует, но не сильно. Меню предстоящей «трапезы» легко предсказуемо. Ожидается откровенно обрыдлая «муйня» со щедрым добавлением бигуса, который способен легко и просто испоганить любые качественные продукты.

Увы, но никуда от него не деться. Хочешь – не хочешь, а сидеть в столовой и вдыхать сногшибательные ароматы прокисшего блюда все равно придется. И не важно, что к бачку с проклятой капустой курсанты не притронутся даже под угрозой отчисления из училища.

А вот уже после обязательно-принудительного посещения столовой, рапорядком дня запланирован показ в училищном клубе какого-то кинофильма. Какого? Неважно. Да хоть «Ленин в октябре» или «Юность Максима».

В клубе расклад более приятный, как ни крути. Вариантов развития событий хоть и не много, но они вполне при-

емлемы. Если фильм не очень древний и не совсем политически-отвратный, то почему бы и не посмотреть на сон грядущий. Все какое-никакое развлечение. В крайнем случае можно и поспать в уютной темноте кинозала, скрючившись «в три погибели» на деревянном кресле. Действительно, а почему бы и не вздремнуть лишние полтора часика?! Распорядком дня не возбраняется. А я всегда кино так смотрю! Да-да, именно с закрытыми глазами.

Легендарная 4-я рота готовилась к процедуре очередного планового построения. Идти в столовую никому не хочется, а куда деваться?! Надо! Распорядком дня предусмотрено.

Сержант Валера Гнедовский время от времени раздраженно посматривал на часы и тихо ругался. Даже не ругался, а желчно цедил сквозь стиснутые зубы. Слова медленно вытекали из его полуоткрытых губ как расплавленный свинец. Хотя бы одно слово капнуло на сапоги, прожглась бы приличная дырка.

– Говнюк Пилопедрищенский! Вот только появись! Мошлы ходячие, спирохета бледная. Сразу в наряд полетишь быстрее ветра, обгоняя собственную тень... Бл*, я тоже хорош. Нашел, кому поверить. Ну, дурак я! Ну, дурак... Ведь зарекался сто раз...

Возмущение и отчаяние сержанта были предельно понятны. Еще пару минут назад Гнедовский обязан был постучаться в металлическую дверь и уверенно зайти в канцелярию роты. И перед ликом дежурного офицера представить поголовный «расход» по личному составу 45-го классного отделения. В принципе, «строёвка» нашего отделения сходилась идеально. Все курсанты были в наличии... за исключением одного. Отсутствующего являлся курсант Копыто.

Во время наведения планового порядка на закреплённой территории с внешней стороны КПП училища Витя так изнылся, что невозмутимый флегматик сержант Гнедовский едва не сломал черенок метлы о сутулую спину курсанта Копыто.

Причиной, вызвавшей бесконечно-нудный скулеж незабвенного Витеньки, явилась пьянящая весна и многочисленные стайки аппетитных девчонок, которые плотными косяками, словно рыба на нерест, шли к контрольно-пропускному пункту училища на краткие, но жаркие свидания со своими возлюбленными. Девчонки шли бесконечным потоком, как волны набегают на берег, но... не к Вите!

Подобного оскорбления в свой адрес курсант Копыто вынести не мог. Ну, никак!

Трогательная картина повсеместно целующихся и нежно обнимающихся парочек, стремящихся найти уединение в ниспадающих кронах прибрежных ив, острым лезвием зависти резала Витьке прямо по сердцу. Витя жаждал любви. Немедленно!

Его умилительно-похотливые ужимки и недвусмысленно-жалобные вздохи окончательно вывели из душевного равновесия сержанта Гнедовского.

– Значит так, ловелас озабоченный, осеменитель хренов, фиг с тобой! До ужина тебя прикрою, но чтобы на вечернем построении был, как штык. Иначе... Кстати, а как ты предполагаешь в таком виде по улицам города шарахаться? Тебя же любой военный сразу зацепит и в комендатуру сдаст. На «морде твоего лица» написано, что ты похотливый самоходчик.

– А я такси словлю и прямо к подъезду Наташкиной общаги. А потом Наталка машину поймает. Я в нее прыг и сюда... прямо к дырке в заборе. Все будет в лучшем виде!

– Опоздаешь хоть на секунду, не обижайся. Будешь неделю жить на «тумбочке». Усек, генитальный?

Курсант Копыто обиженно отклячил нижнюю губу и на-

дул щеки.

– Валера, я тебя хоть раз подводил?

Сержант Гнедовский поморщился. Он вспомнил «космический» полет в нисходящем штопоре с третьего этажа женской общаги с последующим приземлением в цветочную клумбу. (см. «Спорт и приметы»)

– Витя, молчи, я тебя умоляю! Сверим часы.

Синхронно задрал левые рукава на своих гимнастерках, курсант Копыто и сержант Гнедовский посмотрели на одинаковые наручные часы «Победа». Витя предпринял попытку акцентировать внимание хмурого сержанта на часах.

– 15.27. Можно Кремлевские Куранты сверять! А у тебя? Вот и часики, кстати, тоже как бы не без моего скромного участия... одна меткая очередь...

– Копыто, исчезни с глаз, пока я не передумал.

– Валерик, будь спок, меня уже нет! Это не я, а оптический обман зрения... с угасающими вдали акустическими колебаниями воздуха... Не волнуйся, все будет тип-топ и в лучшем виде. Кстати, денег на такси не одолжишь?

– Ну... хамло беспардонное! Пшел вон! Трояка хватит?

– А цветы?! Я же не могу без цветов! Гусары без цветов

– моветон!

– Пятерка и проваливай! Больше все равно нет.

Несказанно счастливый Витя (в безмерно застиранном и оттого выцветшем до неопределенной расцветки ХБ и «противотанковых» сапогах с шестью подковами на каждом) затерялся в ближайшем кустарнике.

Курсант Копыто побежал ловить такси, заняв денег на «самоволку» у своего же сержанта. Наглец?! Кто бы спорил, но не я! Витя это... Витя!

Сержант Гнедовский снова и снова озабоченно поглядывал на часы. Из канцелярии роты после своевременного доклада вышел сержант Бояринов из 44-го классного отделения. Все, приехали, сейчас очередь 45-го.

Гнедовский многообещающе скрипнул зубами и с решительностью обреченного взялся за ручку двери. В это время, нереально шумно громыхая сапогами, в казарму ввалился крайне возбужденный Витя Копыто. Тяжело переводя дыха-

ние, он хаотично замахал пилоткой, обозначая своё присутствие в расположении роты.

– Ах ты...

– Уфффф! Валера, умоляю, не надо! Не говори ничего! Представляешь?! Уже возвращаюсь, вылезая из такси и только углубился в березняк, чтобы в дежурную дырку у «дороги жизни» пролезть... а тут патруль откуда не возьмись. Да еще и краснопогонный. Комендатура, твою мать! Ничего святого! У стен родного училища ловить стали. Прикинь?! Незыблемый принцип заповедных территорий не соблюдают, скоты педальные! . И охота им было в такую даль переться?!

Курсанты 45-го отделения скучились вокруг «генерирующего» Вити Копыто. Исходя на праведный гнев в адрес «в конец обнаглевшего патруля», тяжело дыша, осипшим голосом Витя взახлеб повествовал об очередном чудесном спасении.

– Понял сразу, что в дыру, однозначно, не успеваю. ЛоманулсЯ вдоль «колючки»... а сатрапы легавые за мной припустили. У меня фора метров тридцать-сорок. Бегу значит, а они сзади тЯвкают: «Стой, стой!» Ага! Сейчас! Нашли дурака?! Но чувствую, догоняют. Не уйти мне от погони даже

если форсаж включу... Наталка – заводная мадам, поймите правильно, живым не уйдешь...

– Да ладно, Наташка не причем! Ты еще пару десятков подковок на сапоги приколоты, вообще с места не сдвинешься. Пижон!

У Виктора Копыто на каждом сапоге было по шесть подковок – абсолютный рекорд училища.

– Короче, бегу я... уже «колючка» закончилась и «бетон» начался. Чувствую, *здец мне в перспективе корячится. Не перелезу через бетонный забор, хоть реактивный ускоритель в очко вставляй! А через сотню метров... за углом КПП маячит. Пропадаю, парни! Вдруг вижу... в березняке старикан какой-то с двумя детишками гуляет. Ну, я бегу и... взмолился: «Выручай, мол, отец! Патруль на хвосте! Тюрьмой пахнет.» Мужик попался... с понятием! Руки в замок подставил, спиной к бетонной плите встал. Сапогом с разбегу в его руки уперся... Он меня на забор и закинул. Естественно, я патрулю 50% от правой руки отмерил и был таков. Уф! Спасибо дядьке... мировой старикан! А то сидел бы сейчас на «киче» гарнизонной. Позору выше крыши и Валеру Гнедовского подвел бы! А мне подводить его никак нельзя!

– Дуракам везет! В принципе, это уже не новость, Витя.

– Представляете парни, как эти гарнизонные олухи уху-лели?! А мужик – молоток! Старый пенек по виду, а еще крепкий. Словно пушинку на забор закинул. Патруль только зазря потел. Ха! Теперь будут вонять всю дорогу, кретины! Сейчас сидят, мудаки, под забором и плачут навзрыд. Я слышал, как начальник патруля звал свою маму и скребся ногтями по бетону... Ха-ха!

– Ага, верим! Тебе верим, балалайка знатная...

Восторженно кривляясь весь субботний вечер, Витя живописно рассказывал об очередном подвиге. А потом еще и целое воскресенье. Не забывая добавлять в историю все новые и новые подробности неожиданного приключения.

Рассказ становился все ярче и ярче, а образ незабвенного Вити вырисовывался все красивее и красивее. Стоит отдать должное, курсант Копыто несколько не умалял активное участие случайного мужичка с двумя маленькими детишками. Витя всячески выражал страстное желание непременно встретиться со своим благодетелем, чтобы засвидетельствовать самую искреннюю признательность.

Наступило утро понедельника. После завтрака весь личный состав училища построили на главном плацу. Солидно

взгромоздившись на трибуну, наш генерал представил нового офицера.

– Прошу любить и жаловать, мой заместитель по учебной части кандидат технических наук полковник Архипов. Прибыл для дальнейшего прохождения службы из Челябинского училища штурманов.

На трибуну незамедлительно поднялся подтянутый седоватый полковник. Как только он появился, в строю 45-го классного отделения кто-то охнул. Оглянувшись, я увидел, как побледнел Витя Копыто.

Вновь назначенный зам. сказал пару «стандартно-дежурных» фраз. Затем, попросив генерала оставить старшие курсы на плацу, полковник пошел «прогуляться» вдоль строя курсантов.

По мере продвижения полковника Архипова от роты к роте, курсант Копыто становился все грустнее и грустнее. И надо заметить, было от чего.

Поравнявшись с 4-й ротой, зам.генерала остановился напротив Вити Копыто.

– Ну, здравствуй, дружок!

– Здравжелавтащполк...

– И чего же ты себе позволяешь, дорогой?! Ая-яй! Как тебе только не совестно?!

– Да я ...мммм...

– Стыдно, товарищ курсант! Мне стыдно! Да-да, мне за Вас стыдно! Старший курс, а мямлишь как ушастый новобранец. Позор!

– Готов понести любое наказание...

– Ну вот, уже лучше! Естественно понесешь, кто бы сомневался?! Для начала, трое суток ареста тебе, любезный. На внутренней гауптвахте. Вот там посидишь и подумаешь на досуге о смысле жизни, включая свое безобразное поведение. Догадываешься, за что арест?!

– Угу...

Потупив взгляд, курсант Копыто шумно сопел, как нашкодивший ребенок. А полковник продолжал «внушение».

– Вот и ладненько. Экзамен по физической подготовке бу-

дешь сдавать мне лично в присутствии начальника кафедры физподготовки училища и командира твоей роты. Все понятно?! Кстати, какая рота? Ага, 4-я значит, так и запишем. Позор! Просто по-зо-ри-ще! Это ж надо?! Курсант училища ВВС не может самостоятельно убежать от комендантского патруля. И без посторонней помощи не в состоянии перемахнуть через паршивый заборчик?! Стыд и срам! Да мы в ваши годы... хм... хотя, вам лучше не знать. Короче так, драгоценный, в очередной отпуск поедешь только через «полосу препятствий». Сдавать норматив будешь мне лично! К рассмотрению принимается только оценка «отлично». Ужас какой! Чуть честь мундира не посрамил... Курсант ВВС и в руках сраного патруля?! Командир роты, проводите на гауптвахту.

Отсидев положенный срок на училищной гауптвахте, почти все свободное время Витя проводил в спортгородке, оттачивая мастерство по преодолению различных препятствий в виде забора и прочее...

На полковника Архипова курсант Копыто зла не держал. Более того, он был несказанно горд столь неожиданным взысканием. Ибо считал, что наказан объективно и справедливо. А как же иначе?! Получить арест не за факт самовольной отлучки, а за неспособность убежать от патруля дорогого стоит! Честь мундира превыше всего!

Быстрее звука

Как уже отмечалось ранее, командир 4-й роты капитан Хорошевский среди курсантской братии носил заслуженное прозвище «Нахрен». Ибо, словосочетание «на хрен» использовалось им наиболее часто.

В великом и могучем языке Пушкина, Толстого и других гигантов мысли, несомненно, можно найти еще пару десятков достойных словесных оборотов, а может и чуть-чуть больше, кто его знает... но капитану Нахрену это было неизвестно. Он обходился стандартной фразой: «на хрен», применяя ее всегда и повсеместно. В тему и без темы, практически на все случаи жизни. И все его прекрасно понимали.

К тому же капитан Хорошевский был человеком переменчивого настроения. И при малейшем отсутствии «оного», с патологическим удовольствием срывал «приступ немотивированной ипохондрии» на личном составе. (см. «Как хорошо быть генералом»)

Среди курсантов 4-й роты ходила загадка: «Чем отличается Володя Нахрен от реактивного самолета?» Ответ: «Самолет сначала видно, а потом слышно! А Нахрена сначала слышно, а потом уже видно!» Как общеизвестно, в любой

шутке присутствует лишь микроскопическая доля выдумки,
а все остальное – чистейшая правда.

Энтузиазм гастарбайтеров

Наша легендарная рота дислоцировалась на втором этаже старого трехэтажного здания 1943 года постройки, которое ударными темпами возвели плененные под Сталинградом фашистские «гастарбайтеры».

Близко познакомившись со всеми прелестями уральского мороза, приверженцы теории Гитлера об исключительной роли арийцев в мировой истории осознали всю абсурдность несостоятельных теорий третьего рейха. В результате, в едином трудовом порыве полуобмороженные потомки викингов старались от «чистого нордического сердца» хотя бы частично компенсировать нанесенные ими разрушения в нашей стране.

Бывшие солдаты вермахта и люфтваффе, словно убежденные «стахановцы» пахали днем и ночью, «ненавязчиво» подгоняемые строгим конвоем, в слабой надежде завершить текущую пятилетку за три дня. И хотя бы частично искупить свою вину перед русским народом. А заодно, заработать шанс на досрочно-условное освобождение. Предположительно, именно по этим причинам здание нашей казармы было построено очень добротно, качественно и на славу.

«Перековавшуюся» на гостеприимном Урале немчуру после окончания войны почти сразу отпустили на историческую родину.

Итак, усилиями гитлеровских «шабашников» наша казарма представляла собой стандартный образец саксонско-тевтонского народного зодчества в самом лучшем его проявлении. Опустим, что в здании были пятиметровые потолки, всевозможные грандиозные арки, идеальные мраморные полы в туалетах и огромные окна с метровыми подоконниками.

Что любопытно, окна легко открывались и зимой и летом. Их фрамуги никогда не перекашивались, в отличие от окон в казармах более поздней постройки, возведенных уже руками строителей коммунизма. Также в «немецких» казармах было достаточно много удивительных, но приятных мелочей, которые исправно функционировали, несмотря на преклонный возраст.

А еще была грандиозная, но тоже не менее старая и помпезная лестница с широкими ступенями и старомодными перилами. Чтобы подняться по ней на второй этаж, было необходимо затратить пару минут из своей «быстротекущей» жизни.

Игра в прятки

Пока командир роты совершал чинное восхождение по замечательной лестнице с благой целью величаво прибыть в подчиненное ему подразделение, дневальный на тумбочке... да и вся рота в целом, отчетливо слышали неумолимое приближение любимого отца-благодетеля.

Спрогнозировать его настроение и... последующее поведение было вполне реально. Причем, с большой долей вероятности.

Эхо виртуозных и многоэтажных ругательств, изрыгаемых «дорогим» Нахреном, гулко разносилось по лестничному пролету. Эхо многократно усиливалось в акустической модуляции, хаотично отражаясь от фундаментальных стен и добротных перекрытий, приобретая наиболее угрожающие нотки. Именно по интенсивности звуковых колебаний, а так же по амплитуде и частоте вибрации, можно было определить текущее настроение капитана Хорошевского. Некоторым курсантам удавалось определить свою судьбу на ближайшие пять суток... грядущих лет... ибо в зависимости от эмоционального состояния Нахрена, ребята резервировали место дальнейшей службы в качестве офицера ВВС.

Итак, Нахрен поднимался по лестнице.

Дневальный на «тумбочке» у входных дверей произвольно напрягся. В предчувствии получить пару внеочередных нарядов, курсант лихорадочно подтянул поясной ремень и смахнул пилоткой символическую пыль с сапог.. Дневальный по роте мгновенно вспоминал все свои прегрешения: вольные и невольные.

Остальные курсанты, не будучи намертво прикованными дисциплинарной цепью к «тумбочке» дневального, поголовно испытывали острый приступ «медвежьей болезни».

Пацаны наперегонки ломанулись в туалеты казармы, лелея в душе смутную надежду занять пустующую кабинку.

Основная масса курсантов, затаив дыхание, плотно облепила массивные колонны, поддерживающие тяжеловесные своды арок, которые отделяли спальное помещение от центрального коридора. Все приняли максимально обтекаемый вид, стараясь придать своим лицам бежевой оттенок в соответствии с колером известки на побеленных стенах.

Лишь один человек хаотично метался по спальному помещению. Провокационно грохоча сапогами и привлекая внимание бесноватого Нахрена не только к себе, но и к доб-

рой сотне ребят, затаившихся в помещениях казармы, одинокий курсант 45-го классного отделения представлял реальную опасность. Это был незабвенный Петрович. Петрович в состоянии неконтролируемой паники – само по себе, достаточно опасное и непредсказуемое явление. (см. «Петрович и дерево»)

Посылка

Накануне «ротный письмоноша» вручил Петровичу сенькую бумажку под названием «Извещение». Парню исполнилось восемнадцать лет и заботливая мама выслала дорогому сыночку огромный фанерный ящик, битком набитый всевозможными вкусностями, чтобы единственный и неповторимый Артурчик смог достойно отметить совершеннолетие, порадовав сослуживцев.

Получив долгожданную посылку из Пензы, сияющий Петрович торжественно собрал личный состав 45-го классного отделения на долгожданное пиршество. И только «пензюк» приоткрыл заколоченный ящик, как случилось то, что случилось: «К нам приехал, к нам приехал, Володя Нахрен, дааа-раааа-гоой!»

Перепуганный вусмерть Петрович в растрепанных чувствах метался по спальному помещению, повторяя траекторию элементарной частицы при броуновском движении. И метался бы вплоть до факта неизбежного «палева», если бы киевлянин Лелик беззлобно не рыкнул на Артура, приведя нерешительного «пензюка» в относительное просветление.

Определившись с направлением спасительного бегства,

Петрович не придумал ничего лучше, как поставить фанерный ящик на проходе в спальном помещении, то есть на самом видном месте. Совершив непростительную глупость, впрочем, вполне прогнозируемую для вечно суетливого и слегка подтормаживающего «пензюка», Петрович примкнул к ребятам «а-ля-атланты и кариатиды».

Судорожно прижавшись к массивной колонне между Леликом Пономаревым и Витей Копыто, Петрович зажмурил глаза. Все замерли. В казарме наступила тревожная тишина.

Хлопнула массивная входная дверь. Разъяренным тигром, Володя Нахрен ворвался в роту.

Донеслось монотонное бубнение – дневальный пытался доложить стандартную «молитву» об отсутствии происшествий.

– Бубубубу-бу! Бубубубубубу....

Раздался звериный рык!

– Твою мать... бардак и срач! Где личный состав? ...на хрен! Почему не так стоишь?! Подшива несвежая! Рожа наглая! Щетина небритая! Сапоги в гармошку! Бляха на ремне тусклая! ХБ ушитое! Ремень висит на яй*! Штык-нож не на

четыре пальца от бляхи! Полы не натерты... Два наряда вне очереди! Сгною на «тумбочке» ... на хрен!

– Бубубубу-бу-бу-бу...

– ...Три наряда...на хрен, чтоб не оправдывался! Все устранить и вылизать! Чтобы блестело, как у коты яй*... на хрен! Быстро!!!... на хрен! Перестань мямлить! Пять нарядов... на хрен! УУуууу!!!.... на хрен!

Не переставая злобно гундеть, капитан Хорошевский двинулся по центральному коридору в сторону своего кабинета. По мере его продвижения по «взлетке», курсанты, плотно прилипшие к огромным колоннам с обратной стороны от центрального коридора, плавно и неслышно передвигались в «мертвые» зоны, недоступные зоркому взгляду раздраженного командира. Верне, не передвигались, а... перетекали, словно жидкость.

Мы чутко ориентировались в пространственном положении офицера по звукам его шагов, по отголоскам эха бесконечных ругательств, а так же по тени, отбрасываемой капитаном, которая зловеще скользила по начищенному до зеркального блеска полу.

Мрачная тень капитана Нахрена проследовала помеще-

ние 45-го классного отделения и должна была свернуть в перпендикулярный коридор казармы, а мы приготовились вздохнуть более-менее свободно... Но ротный заметил внушительный ящик из желтой фанеры, который стоял прямо на входе в спальное помещение.

– Ага! Сколько раз говорил, чтобы в спальном помещении не было посторонних предметов?! Ась?! Не слышу!!! Ну *дец, на хрен! Такой наглости я не потерплю! Держите, мундеркинды!

Сменив направление первоначального движения и немного разбежавшись, капитан Хорошевский мощным ударом ноги зафутболил посылочный ящик вглубь помещения.

Сколоченная неумелой женской рукой мамы Артура Юманова, тонкая фанера жалобно треснула и ящик развалился. Содержимое разлетелось по полу.

Целлофановые мешки с домашней выпечкой лопнули и песочное печенье, рассыпаясь на мелкие крошки, покрыло намастиченный пол ровным слоем. Конфеты разлетелись следом за печеньем, рассыпаясь веером от «эпицентра взрыва». Вишневое варенье, благополучно пережившее длительную пересылку в многократно запаянном пакете, выползло наружу бесформенной слизью и растеклось на полу, образо-

вав бурую лужу.

Картину полного разгрома завершала красивая открытка с трогательной надписью «С днем рождения, сынок!» Яркий листок мелованной бумаги прилип к месиву из варенья, конфет и крошек печенья.

Посмотрев на результаты «штрафного» удара, казарменный форвард Володя Хорошевский, возможно, и пожалел о содеянном. Ведь он испоганил не просто кучу дефицитных продуктов, желанных для любого курсанта, но и наплевал в душу адресату посылки... а заодно и всем ребятам, кто разделил бы это богатство по-братски.

Но что сделано, то сделано. Нахрену надо было держать марку. Ротный взревел с новой силой.

– Что, получили? Не хрен разбрасывать посылки где не положено! И так будет с каждым, кто осмелится не выполнить мое распоряжение. Все посторонние предметы буду выпинывать или выбрасывать в окно! Все без исключения! Кто не доволен, пусть пишет жалобу в ООН Пересу де Куэлеру. А теперь быстро навести идеальный порядок в помещении! Развели срач! Десять минут времени! Время пошло! На хрен!

Капитан удалился в кабинет, громко хлопнув дверью.

Мде... приехали! Отметили восемнадцатилетние Петровича, ничего не скажешь. Спасибо, тебе Вова, за поздравление! Вовек не забудем...

У Петровича выступили произвольные слезы. Он молча сходил в туалет, взял веник, совок и начал заметать остатки печенья в сломанный ящик. Все, как один, начали помогать наводить порядок. На душе было хреново. Скотина ротный «ни за что» взял и обидел не только нашего парня, но и его маму. Да-да, именно маму, которая старательно пекла это печенье, вкладывала в них свою душу.

Закусив губы почти до крови, Петрович старательно подметал пол. Было отчетливо видно, как крупные слезы, стекая по лицу, капают на пол. Киевлянин Лелик подошел к Артуру и огромной ладонью сжал плечо.

– Петрович! Не надо. Сходи, умойся. А маме напиши, что все было очень вкусно. Маме отпиши категорическое спасибо от нас всех. Пусть ей будет приятно.

У Петровича перехватило горло. Он ничего не смог сказать в ответ, а лишь бессильно опустился на табуретку. Плечи курсанта Юманова сотрясли беззвучные рыдания.

Витя Копыто осторожно, но весьма настойчиво вытянул веник из рук Артура. Тихо но качественно матерясь в адрес ротного, начал аккуратно подметать пол дальше.

М-да... Нахрен нарвался! Это однозначно, к бабке не ходить. Он переступил черту и теперь пусть не обижается. Месть будет обязательно. Это даже не обсуждается. Готовься и жди, говнюк. Это будет не завтра и не послезавтра. Недаром говорят в Италии: «Месть это такое блюдо, которое подают холодным!» Вот и подождем пока капитан Володя остынет, подзабудет... а потом рассчитаемся. А сейчас оставим его наедине со своей совестью!

«Жизнь не киноплёнка, назад не отмотаешь!»

Если бы ротный нашел в себе душевные силы, вышел из кабинета, построил роту и прилюдно извинился, то вопросов нет, с кем не бывает?! Но нет, не вышел, не извинился. Мужества не хватило?! Ладно, тогда держись, дорогой и любимый Володенька, процесс пошел.

Долг вежливости

Прошла пара месяцев. Все это время капитан Хорошевский избегал напрямую обращаться к курсанту Юманову и старался не смотреть ему в глаза.

Было заметно, что Нахрена что-то тяготит, но он мастерски душил робкий голос совести очередными всплесками немотивированной ярости и бесконечных придирок. А мы тем временем готовились...

На училищной свалке был найден старый посылочный ящик. Чтобы не осталось никаких концов и зацепок, все адреса аккуратно затерли. До краев наполнили ящик песком и заныкали в недрах казармы. В одно солнечное воскресенье ответственным офицером остался капитан Хорошевский. Операция «Возмездие» началась.

Посылочный ящик был нагло выставлен в спальное помещение роты. Для увеличения поражающей силы «заряженной бомбы» заботливые курсанты залили в песок пару литров воды.

Итак. Солнечный день. Воскресенье. Володя Нахрен, естественно, в дурном расположении духа. А как иначе?! За-

мечательный день с прекрасной погодой бездарно пропадает в вонючей казарме наедине с обрыдлым личным составом. Личный состав 4-й роты сидит у телевизора и смотрит передачу «В гостях у сказки». Да-да, именно эту! Из-за постоянного информационного голода, курсанты готовы с упоением тупо смотреть даже в абсолютно черный экран выключенного телевизора.

Время близится к обеду. Из канцелярии выполз Нахрен «не в духах». Презрительно оглядев сидящих у телеприемника курсантов, скривил губы.

– Рота, приготовиться к построению на обед! Пять минут времени, время пош...

И тут он заметил посылочный ящик, который выглядывал из-за угла колонны спального помещения. Нахрен осекся на полуслове и завелся с пол-оборота, побагровев.

Было заметно, что ему очень не хочется делать «это», но он – командир, начальник, цербер, наконец. Его слово закон!

Проведя рукой по голове, капитан взлохматил волосы и зарычал.

– Я тут что... на хрен?! Пустое место?! Я много раз предупреждал вас, господа тупорылые юнкера-кадеты, чтобы в спальном помещении не было посторонних предметов. Но нет... на хрен! Мои слова для вас пустой звук... акустическое колебание воздуха, да?! Вы сами запросились! Что я обещал сделать, если увижу подобное безобразие? Ась?! Кто хозяин посылки? А?! Нету хозяина?! Так расскажете ему, что мои требования одинаковы для всех...

Энергично разбежавшись, Володя Нахрен влупил с правой ноги по посылочному ящику что было дури... Хрясь!

Ящик почти не сдвинулся с места. А если и сдвинулся, то на сантиметр-полтора, не более. Зато, ударная ножка «фаната футбола» сразу подвернулась в голеностопе. Все курсанты отчетливо услышали противный хруст, который в одно мгновение был заглушен душераздирающим воем.

До крови закусив нижнюю губу, капитан Хорошевский на одной ножке... допрыгал до канцелярии роты.

Осознав, что не слабо перестарались, ребята схватили ящик и высыпали его содержимое в раскрытое окно прямо на клумбу с цветами. Предусмотрительный Жека Ящиков (в миру «Ящик») оторвал от посылки верхнюю крышку, разломал на части и выбросил через забор училища в лесополосу.

На крышке было написано.

Адрес получателя: «Командиру 4-й роты капитану В.Л. Хорошевскому»

Адрес отправителя: «Твоя совесть»

Свои действия, «Ящик» объяснил, что травмированный Нахрен может потребовать служебного разбирательства. А такая надпись наведет «душевных, но дотошных пацанов из особого отдела» на неожиданную мысль о заранее спланированном заговоре. И тогда с нас живых не слезут. Все согласились с Женькой. Береженого Бог бережет.

В положенное время 4-я рота построилась для следования на обед, но капитан Хорошевский не вышел на плац. По телефону через дневального он вызвал старшину и передал ему все полномочия по руководству личным составом.

Когда мы вернулись в казарму, ротного уже не было. Особо не скрывая гаденько-ехидной улыбки, дневальный на тумбочке рассказал, что хромая и корчась от боли, капитан уполз домой.

Честно говоря, мы ждали кровавых разборок и жестоких репрессий, но, к приятному удивлению, ничего подобного не

последовало.

Больше всех переживал Петрович. Он обоснованно опасался, что как «первопричину событий с посылкой», могут притянуть и его.

Дабы успокоить «пензюка», все парни из 45-го отделения договорились, что если начнется официальное расследование, то все, как один, напишем рапорта о непристойном поведении командира 4-й роты. Мы понимали, что подобный демарш от неминуемого отчисления из училища нас не спасет, но неуравновешенных людей с хамскими замашками, наверное, все же нельзя допускать к руководству личным составом.

Тем временем, Нахрен официально оформил больничный лист, доложив комбату Серову, что повредил ногу, нечаянно запнувшись на проклятой лестнице образца 1943 года. Пиночет сделал вид, что поверил.

Через месяц Володя Хорошевский вернулся в роту. Он заметно прихрамывал, но открытых расследований не проводил и в репрессии не ударился. Возможно, его верные «сексоты» тихонько и шуршали по роте, выискивая зачинщиков и активных участников минувшего заговора но никто из 45-го классного отделения не пострадал.

Более того, «урок с пенальти» пошел капитану Нахрену на пользу. На третьем курсе курсанты наблюдали такую картину: ведомая Володей Хорошевым, 4-я рота медленно вползла в казарму после ужина. Торопясь доложить по телефону «великому и ужасному» Пиночету, чтобы скоростыжно слинять домой, капитан спешил в свой кабинет. . . Как вдруг неожиданно сменил курс и сунулся в спальное помещение, где под кроватью какого-то парня из 42-го классного отделения, виднелся краешек фанерного ящика – посылка! В охотничьем азарте Нахрен резко ускорил шаг, сделал «футбольную» стойку, энергично отведя ногу максимально назад для последующего мощного удара. . . но резко осекся, аккуратно и медленно поставил потенциально «ударную» ножку на пол. Затем, развернувшись на сто восемьдесят градусов, тихонько потрусил в канцелярию.

В роте раздались сдержанные смешки. Но мы нашли в себе силы подавить жгучее желание заржать во все горло. В свою очередь, капитан Хорошевский нашел в себе силы, чтобы сделать вид, как будто ничего не услышал.. Статус кво сохранился.

Процесс воспитания Нахрена начал давать первые положительные результаты.

Тем, кому за 30

Прошли мимо ДК «Октябрь». На горизонте замаячила мерцающая неонов красная вывеска: «Минутка». В предвкушении знатной обжираловки обильная слюна наполняла рот, как вдруг Витя Копыто заорал дурным голосом. Да так истошно, что прохожая тетка выпустила объемные сумки из рук, обреченно охнула и схватилась за сердце. А Витя продолжал орать, как резаный.

– Стоять! Стоять, я кому сказал! Всем стоять! А ну, назад, в «Октябрь»!

Ребята, нехотя, двинулись назад. Время увольнительной неумолимо таяло. Витя вбежал вверх по мраморной лестнице ДК и остановился у цветной афиши. Копыто светился, аки прожектор, комично пританцовывал и тыкал руками в огромное полотно. На холсте три на четыре метра красовалось яркое и красочное приглашение посетить танцевальный вечер «Тем, кому за 30!»

Блин, вообще красота! Совсем парень умом тронулся. Первым опять возмутился Валера Гнедовский, выражая всеобщее мнение.

– Ну *здец! Витя, ты болен! Твой шифер треснул и крыша съехала. Повторяю для тех, кто на бронепоезде: «Тихо шифером шурша, едет крыша неспеша!» Курсант Копыто, бегом в аптеку! Срочно возьми яду и принимай по пять капель три раза в день!

– Не, а что? Чем не танцы?!

– Точно, чердак потек. Витя, увидишь белую машинку с красной полосой и цифрами «03» на капоте и на боках, беги на дорогу и сразу прыгай под колеса. Запомни, где пишут: «За 30-ть», там все 70-80, я точно говорю. Вежливость, этика, эстетика и как его... толерантность. Во! Понимаешь?! Это же танцульки для Дома престарелых. Твоя потенциальная партнерша по танцам на ночь вставную челюсть в стакане замачивает. Ну, дятел! Ребята вяжите его, на обратном пути в «дурку» сдадим.

Но Витя не унимался. Он вращал глазами и отчаянно брызгал слюной, на трескучем уральском морозе мгновенно превращалась в маленькие льдинки и с веселым звоном падала на мраморные ступеньки ДК.

– Какая нам разница? Пусть будет хоть сто лет, день все равно пропал. Давайте зайдем! Потом будет что вспомнить и внукам рассказать. Тем более, времени осталось пару часов,

а тут девушки. В смысле... дамы, должны быть, однозначно. Не понравится, всегда свалить можно. Короче, хорош ломаться, как ни разу не целованным. Где наша не пропадала?!

Не знаю, что в тот вечер на нас нашло, но сопротивляться безумному порыву нашего дурачка было просто лень. Да и любопытство, знаете ли. Короче, мы поддались на доводы Копыто, который по-хозяйски распахнул массивную дверь и вошел в огромный холл ДК.

У заспанной гардеробщицы от несказанного удивления вывалилась вставная челюсть. Щуплая старушка растерянно металась по раздевалке, принимая двадцать шинелей.

Добрая бабулька попыталась о чем-то нас предостеречь, но уверенный тон Виктора свел на нет все ее благие намерения.

Избавившись от верхней одежды и старательно причесавшись, мы столпились у дверей, отделявших нас от танцзала. Сквозь резную древесину с медными ручками доносилась размеренная и слегка заунывная музыка.

Сделать решающий шаг, чтобы распахнуть массивную дверь и войти в зал, было непросто. Совсем непросто.

Видя что пауза затягивается, сержант Гнедовский вытолкнул Витю. Слегка прицелившись, Валера Гнедовский придал курсанту Копыто поступательный импульс дружеским, но мощным пинком ноги по костлявой заднице.

Получив заряд уверенности, Витя Копыто влетел в просторный и ярко освещенный зал, распахнув настежь двери. Ву-а-ля! Первый пошел!

Остальным не захотелось показать свою робость и мы дружно двинули следом.

За массивными дверями нашему взору открылась идиллическая картина. В огромном зале с шикарным лакированным паркетом и со старинными бронзовыми люстрами, висящими под потолком на внушительных цепях, находилось около ста мужчин и женщин возрастом от тридцати пяти до глубоко за сорок пять-пятьдесят. М-да, прозорливый Гнедовский был частично прав насчет возрастной поправки в более древний период.

На старомодной эстраде размещались звукооператор с весьма приличной аппаратурой и не менее старомодная ведущая вечера. Шутки шутками, но ведущая была явно из другой эпохи. Солидная дама в элегантном парчовом платье с длинным шлейфом, который волочился по полу на пару

метров позади. На голове была многоэтажная прическа а-ля-Пизанская башня. И что характерно, с таким же наклоном.

Как только компашка курсантов ввалилась в зал, музыка мгновенно стихла, танцующие замерли в нелепых позах... Наступила гнетущая тишина.

Ведущая вечера хлопала накладными ресницами с такой интенсивностью, словно хотела уподобиться бабочке и преодолев земное притяжение, упорхнуть куда подальше из этого дурдома. Периодически поднося микрофон к ярко окрашенным губам, она открывала рот, но не находила нужных слов. Звукооператор тупо вертел в руках виниловые пластинки и старался не отрывать взгляда от проигрывателя. Все те, кому, если верить афише на фасаде ДК, было «за тридцать», в недоумении уставились на толпу молодцеватых, розовощеких курсантов, одинаковых, как бройлерные цыплята из инкубатора.

С первой минуты мы тоже поняли всю абсурдность нашего положения. Мысленно проклиная Витю Копыто, ребята глупо улыбались, искоса поглядывая друг на друга. Все уже были готовы попятиться назад в раздевалку за родными шинелями, чтобы, включив форсаж, эвакуироваться за пределы танцпола. И уже на свежем воздухе от души намять бока нашему дорогому Витечке.

Но, честь и хвала настоящим профессионалам своего дела.

Ведущая вечера, наконец, взяла себя в руки. Мило улыбаясь, дама обратилась к залу задушевным тоном.

– А вот, собственно, и обещанный сюрприз! Сегодня у нас в гостях курсанты из прославленного училища ВВС! Им конечно еще пока не за тридцать, но ведь когда-нибудь будет и тридцать! И сорок! Дай Бог, и рубеж в сто лет им тоже будет по плечу! Поэтому поприветствуем этих милых ребят нашими дружными и теплыми аплодисментами. Не стесняйтесь, молодые люди! Проходите, милости просим. Надеюсь, ваше появление внесет свежую струю в наши дружеские встречи.

Показывая пример дружелюбия остальным собравшимся, ведущая ободряюще зааплодировала. Постепенно ее поддержали и остальные участники вечера.

Нам не оставалось ничего другого как глупо улыбаясь во все стороны, медленно и робко пройти в зал. Мужчины посматривали на нас с недоуменными и снисходительными улыбками, дамы – с нескрываемым любопытством.

Линять в таких условиях было еще большей глупостью

и постыдным позором, нежели принять активное участие. Казнь Виктора Копыто временно откладывалась. Немного приободрившись, мы начали растекаться по паркету, заполняя пустые пространства.

Ведущая, фальшиво улыбаясь, как прожектор перестройки, ласково продолжила.

– Ввиду того, что аудитория значительно расширилась, наш уважаемый Максим Павлович сейчас подберет что-нибудь более подходящее... что-нибудь этакое молодежное... модные тенденции, так сказать, чтобы всем участникам нашего вечера было комфортно. Максим Павлович, прошу!

Звукооператор поелозил в пыльных запасниках и вскоре мощные динамики S-90 изрыгнули знаменитый шедевр: «Косил Ясь конюшину! Вжик! Поглядав на дивчину! Вжик! А дивчина жито жала и на Яся поглядала! Вжик! Вжик!...»

Все в зале заметно оживились. Кроме нас, естественно. Завсегдатаи вечера стали дрыгаться в стиле школы танцев из кинофильма «Кавказская пленница», где Вицын, Моргунов и Никулин учили курортному твисту всех желающих джигитов на примере одновременного тушения двух окурков. Смешно конечно, но делать нечего. Мы тоже встали в круг и вяло подергались в ритме ретро-музыки.

Очередная музыкальная композиция была соответственно: «Мы встретились с тобой на танцах! А ты была в червоних штаницах...». Откровенный *здец, но куда деваться?!

Мы опять немного поморщились и вяло подвигали конечностями, скрывая улыбки, дабы не обидеть гражданскую аудиторию из прошлого поколения.

Символически двигаясь в такт музыке, сержант Гнедовский подмигнул Лелику Пономареву. Киевский громила многозначительно кивнул и отвесил волшебного пенделя Вите Копыто, который, опасаясь за свое здоровье, а возможно, что и за саму жизнь, лихо выкручивал немислимые кренделя своими кривыми ногами, попутно заигрывая с двумя наиболее активными дамами из малочисленной подгруппы «кому чуть-чуть немногим за тридцать».

Витя сразу все понял правильно. Он вообще чутко держал нос по ветру. Копыто перестал кривляться и полез на эстраду. Солидно подойдя к даме, ведущей вечер, Витя начал что-то эмоционально шептать ей на ухо. Ведущая энергично закивала головой в знак согласия, а когда музыка затихла, поднесла микрофон к нереально ярко накрашенным губам.

– Уважаемые гости, сегодня в преддверии Нового 1987

года, рушатся традиции и замшелые устои. На дворе перестройка, ускорение и прочие модные тенденции! Поэтому в качестве жеста доброй воли, музыкальное сопровождение мероприятия возьмут на себя наши юные друзья. Поддержим их начинание, товарищи.

Все дружелюбно заплодировали. Витя торжественно и картинно раскланялся. Показательно сунув руку во внутренний карман небрежно расстегнутого кителя, вытащил выдавшую виды магнитофонную кассету со сборкой забойной музыки. Подойдя к аппаратуре, Витя по-хозяйски отодвинул Максима Павловича. Словно профессиональный фокусник-иллюзионист, Витя продемонстрировав всем присутствующим заезженно-задрипанную кассету. И так же картинно вставил ее в магнитофон.

Щелкнула клавиша и в огромном зале задорно заорала австрийская группа «Orus», изрыгнув в толпу нетленный хит «Life is life». А следом было много еще забойного музона, о существовании которого эти люди, в свои немногим за тридцать, даже и не догадывались.

Услышав знакомые и привычные для уха мелодии, курсанты приободрились, расстегнули кителя и пустились в пляс, выделявая гимнастические кульбиты с элементами агрессивной акробатики и брейк-данса.

Измученно вытаращив глаза, завсегдатаи вечеров «Кому за...» с нескрываемым интересом смотрели на происходящее. А нам отступить было некуда. Время увольнения в город неумолимо таяло. Из-за дебильного Вити Копыто мы покрыли себя несмываемым позором, засветившись на танцах в этом «Доме престарелых». Эх, гуляй рванина, терять нечего! Позорится, так по полной программе!

Первыми к нашему кругу присоединились именно дамы. Как ни крути, а женщины более склонны к азарту, авантюрам и экспериментам. Любопытство – двигатель прогресса! Более того, исключительно женщины падки на все новое и неизведанное, включая совершенно необдуманные поступки.

Одна мелодия сменялась другой, и постепенно поддаваясь всеобщему азарту, в нашей толпе весело уже прыгал весь зал, включая ведущую вечера. Дама со сложным причесом задрала подол длиннющего вечернего платья выше колен, чтобы он не мешал лихо отплясывать что-то немислимое.

Дальше – больше! Обнявшись за плечи, курсанты и «гражданское население» выстроились в одну импровизированную шеренгу, чтобы в такт ритмичной музыке отбивать дорожку заводной джиги. Старались все. Ноги взлетали

очень высоко и стремительно, словно у танцоров профессионального кордебалета.

Азарт и кураж захлестнул всех. Солидные мужики, ослабив свои галстуки и сбросив пиджаки, позабыли про радикалу-литы. Они вытворяли на танцполе ТАКОЕ!!! Был даже хваленый «ручеек» и прогрессивный «паровозик». Моральные устои балансировали на грани приличия.

Убеленный сединами звукооператор Максим Павлович пытался танцевать под нетленный хит: «You are in army now» то ли «камаринского», то ли «барыню», то ли цыганочку с выходом. Смешно, но очень забойно.

Дамы с пунцовыми щеками и горящими глазами задирали ноги в модных туфлях на шпильках, игриво трясая аппетитными формами под «Go, Jonny, go!»

«Медляки» вообще пошли «на ура». Исключительно по требованию дам, каждый танец был «белый». Курсанты разлетались, как горячие пирожки. Это был успех!

Вечер удался на славу! Когда подошло время уходить из ДК, в холл высыпали все участники, чтобы проводить нас с теплом и улыбкой. Раскрасневшиеся дамы с горящими глазами висели на ребятах, умоляя придти в следующий раз.

Некоторые, особенно потерявшие головы, страстно шептали номера домашних телефонов.

Нас искренне благодарили за фантастический вечер. Ведущая стояла на паркетном полу босиком со съехавшей на бок прической. И в тот момент это было вполне приемлемо, ибо попробуйте два часа активно попрыгать на высоких шпильках.

Солидная дама порывалась написать официальное обращение к начальнику авиационного училища с просьбой на постоянной основе гарантировано выделять N-ное количество курсантов ВВС для проведения потрясающих по эмоциональному наполнению тематических вечеров.

Никто не хотел нас отпускать. Особенно, дамы. Они требовали клятвенного обещания регулярно посещать подобные мероприятия, томно вздыхали, цепко впившись на маникюрными пальчиками в шинельное сукно. Расставание далось очень нелегко.

Возвращаясь в казарму и трясясь в полупустом холодном автобусе № 12, всю дорогу ребята неугомонно ржали, словно кони, вспоминая наиболее яркие фрагменты наших показательных выступлений, а также реакцию окружающих. Повеселившись от души, мы пришли к единогласному мнению,

что – хорошего понемногу и туда больше ни ногой. Хватит позориться!

Витя Копыто попытался вякнуть, что спас нам вечер и планирует сводить народ по этому адресу еще разок-другой но, получив нежный и весьма убедительный подзатыльник от Лелика, затих.

Глядя на разгоряченные лица ребят, я непроизвольно обратил внимание на задумчивые улыбки. Парни как будто заново вспоминали недавно пережитые моменты вечера, испытывая неожиданно приятные эмоции.

Во время последующих увольнений в город, заходя в кафе, в магазины или просто гуляя по улице, иногда мы чувствовали на себе чьи-то внимательные, пронзительные, проницательные и одновременно восторженные взгляды. Ребята частенько пересекались взглядом с горящими глазами солидных дам, которые открыто улыбаясь, разглядывали нас предельно откровенно и оценивающе.

Похоже, слушок по городу прокатился. Вероятно, кое-кто кое с кем непременно поделился незабываемыми и восторженными впечатлениями о забойных танцульках с курсантиками. По секрету, естественно.

В некоторых дамах, бросающих в нашу сторону благо-склонные взгляды, мы узнавали партнерш по танцам, с кото-рыми лихо отплясывали на незабвенном вечере «Тем, кому за 30!»

И хотя смутить курсантов совсем непросто в виду отсут-ствия стеснительности и скромности как таковых, вытрав-ленных напрочь после прохождения воспитательных проце-дур у дорогого Пиночета, тем не менее, мы стыдливо и густо краснели, вспоминая, что именно вытворяли на танцполе с дамами, годящимися нам если не в бабушки, то в мамы – однозначно.

И самое главное, что вгоняло курсантов в панический ужас и всепоглощающий стыд – всплывающие в памяти об-рывки фраз, которые во время бесконечных и продолжитель-ных «медляков» страстно и нежно шептали нам на ухо умуд-ренные жизненным опытом партнерши, прижимаясь своими роскошными и зрелыми телами.

Вспоминая эти горячие слова, мы еще долго покрывались произвольной испариной. Стыдливо и скромно опускали глазки, не смея открыто посмотреть в ответ.

И хотя целомудренность не входила в перечень наших многочисленных достоинств, к такому повороту событий и

многообещающим отношениям, мы были просто не готовы. Мы были бессовестно молоды.

После того вечера, курсанты обходили ДК «Октябрь» за двадцать кварталов.

23 февраля

Это сейчас 23 февраля так себе, а не праздник. Профанация. Стандартная протокольная показуха, обязательная к исполнению, с гримасой легкой брезгливости на толстом личике государственного деятеля, поздравляющего с высокой трибуны служивый люд.

Важный чиновник фальшиво лыбится «голливудским смайлом» и напыщенно говорит о тяготах и лишениях воинской службы, хотя не имеет о них ни малейшего понятия и представления. Честно говоря, смешно и противно слушать ожиревшего чинушу, который сам никогда не служил в армии и старательно отмазал мажорного отпрыска от военкомата.

Было время, когда народ гордился своей армией, уважал ее, искренне любил, считал нужной и полезной защитницей, познавшей радость и гордость далеко не одной победы. Каждый уважающий себя мужчина возможность отслужить своей стране считал за школу жизни, почетную и важную необходимость. А не воспринимал данную процедуру, как повод для тотальной паники, запугиваемый многочисленными правовыми организациями типа: «Кормящие матери плачущего ребёнка», «Гей-Глобал-Анал-Пидар-Центр», «Голу-

бые пацифисты», «Всероссийская партия любителей ночного энуреза», «Гомосек – человек будущего», «ДебилОлигофренНаркоДиспансер-Холдинг» и прочими не менее уважаемыми их последователями.

В 80-е годы прошлого века все мужчины в Советском Союзе... за очень редким исключением... служили.

Честно говоря, бывало по-разному. Было тяжело, но было и весело, часто – просто познавательно. Школа жизни, однако. Причем, абсолютно реальная. Мы мужали, набирались жизненного опыта. От трудностей не бежали, но и эти самые трудности на свою голову добровольно старались особо не искать. Нам их придумывало и создавало мудрое руководство. Причем, с патологически пугающей регулярностью.

В канун праздника Советской Армии, краснознаменной и легендарной, в боях познавшей радость побед и так далее и тому подобное... прошу заметить, что в моих словах нет и намека на иронию... наше доблестное руководство воспылало неудержимой идеей почувствовать себя великими полководцами. Думало оно недолго. Общеизвестно, начальство зачастую вообще не утруждает себя здоровыми размышлениями. И придумало оно – это начальство. значит, поднять боевой дух и закрыть пару планов по боевой подготовке. Провести, так сказать, грандиозные учения с выходом в поле. Да

на пару суток, да по полной программе. Так чтобы в НАТО содрогнулись от нашей удали молодецкой.

Все бы ничего, да вот, согласно календарю, в России-ма-тушке в канун 23 февраля зима на дворе и соответственно, морозы трескучие. А на Урале-батюшке где наше легендарное училище базировалось, морозы вообще запредельные. Такие замечательные морозики накатывали, что в казарме аж целых + 4 градуса жары с трудом набиралось. Про погодные условия за пределами уютной казармы вспоминать без содрогания вообще не получается.

НАТОвским спутникам, бороздящим просторы космоса, и то было тоскливо подсматривать за военными объектами на Урале, особенно, зимой. В космосе вечный холод, аж корпус махровым инеем в три слоя покрылся. Так вместо того, чтобы на пляжи Майами нацелиться, дабы голых девок во всей красе рассмотреть, загорело-копченые фигурки придиричиво оценить со всех ракурсов и пикантных подробностях, надо заиндевелившие фотообъективы на замерзшую Россию наводить. Брррр, от одного вида бескрайних снегов уже жить не хочется. Если на Урале такой тотальный *здец, что же тогда в пресловутой Сибири делается?!

А на зимнем Урале чудные дела творятся, уму НАТОвскому непостижимые. Операторы шпионских спутников зача-

стую не верили фотопленкам сверхчувствительным. И чутким датчикам ИК-станций тоже не верили. Потому что космические «консервные банки» фиксируют бешеную активность советских войск. Да еще именно в тот момент, когда яйцеголовые аналитики из Лэнгли, прочитав ужасающе-морозную метеосводку, выдали авторитетный прогноз, что жизни на Урале нет!!! Вообще нет! Совсем нет! И до мая месяца даже робких попыток зарождения этой самой разумной жизни не ожидается. Потому что на Урале свирепствует «холод собачий»! И конца и края лютному морозищу не видно.

Тем не менее, война – дело святое! И погнали нас, касатиков, «защищать землю русскую от басурман иноземных».

В виду того, что «басурмане иноземные и враги лютые» в здравом уме обычно находятся и уроки истории запоминать хорошо научились, помятуя примеры Наполеонов и Гитлеров всяких, то зимой их в Россию-матушку, а уж, тем более, на Урал-батюшку, ни по доброй воле, ни под прицелом автомата не загонишь. Только под конвоем, и то не всегда. Упираются всячески. Все больше предпочитают по Ближнему Востоку покуролесить. В тепле, да при солнышке на недолгую войнушку прогуляться. А от пары исконно русских слов, типа: «Сибирь» и «мороз», спесь заграничная с них мгновенно слетает. В лице меняются и на глазах синеть

начинают. Поэтому с «врагами заморскими» на Урале во все времена острый дефицит наблюдался.

Вот и разделили нас, воинов, на «наших» и «не наших». Чтобы по взаимправдешному все было. Чтобы более-менее реалистично с каким-никаким противником воевать пришлось, уму-разуму и опыту ведения боевых действий в зимних условиях набираться.

Как окопы в мерзлой земле копались, уж простите, описывать не стану. Кто копал, тот не хуже меня знает. А молодежь пугать не стану, им еще предстоит в армии служить и Родину защищать.

Война шла очень даже по-взрослому. И оружие стреляло и гранаты рвались. Все по-настоящему. И кормили нас через раз исключительно замороженным супом, в котором ложка стояла. Если получится корку льда в котелке продолбить, естественно. А ложки у курсантов алюминиевые. Слабоват алюминий по сравнению со льдом. Проигрывает ему в прочности. А курсантам питаться желательно. Причем регулярно и в любых условиях. В зимние холода молодой организм килокалории с особой жадностью требует.

Потери в зимней войне тоже были настоящие, причем – одна. Вышедшей из строя боевой единицей оказался леген-

дарный Витя Копыто.

Членовредитель

Курсант Копыто давно мечтал совершить подвиг. Да такой, чтобы УХ! Да с письмом на малую родину в Пилопедрищенск. С письмом от благодарного от восторженного командования. И обязательно с генеральской подписью, чтобы каждый «пилопедрощанин» знал, что их земляк о-го-го какой парень! Гроза НАТО и никак не меньше.

Удобного момента для подвига Витя ждал долго. И дождался. На исходе второго дня, когда от лютого мороза безотказные автоматы Калашникова позамерзли так, что стали напоминать пушистые меховые игрушки белого цвета и перестали стрелять, в наш окоп прилетел взрывпакет от «ненаших».

Взрывпакет – шашечка из картона цилиндрической формы, с бикфордовым шнуром и слабым зарядом взрывчатого вещества. Абсолютно безобидная вещица, если не заниматься дурными экспериментами.

Так вот, прилетает в наш окоп лениво дымящийся врывпакетик. Все ребята, естественно, зажмурились. Хоть вещица безобидная, но условный рефлекс, знаете ли, защит где-то глубоко в подсознании на генетическом уровне. У кого-то,

возможно, забит, но не у курсанта Копыто.

Для совершения великого подвига Витя ждал подобного момента всю свою бестолковую жизнь и вот дождался. Чудак на букву «М» схватил взрывпакет. Далее последовал короткий замах рукой, который наш полудурок сопровождал героическим криком тоненьким голоском Володи Преснякова.

– УРряяя!

Но, не успел Витя докричать свое писклявое «УРряяя!» Не свезло. Взрывпакет взорвался в костлявом кулаке дистрофичного богатыря из славного града Пилопедрищенск.

Все, кто не успел зажмурился, увидели как Витины пальцы разлетелись в разные стороны. *дец, приехали!

Командир взвода лейтенант Зайчик жалобно заскулил, предчувствуя скорое свидание с военным прокурором. Он сорвал с головы шапку и закрывая ей лицо, в полубессознательном состоянии сполз на дно окопа. Все курсанты рванули к раненому Виктору, на бегу вскрывая личные медпакеты, чтобы спасти «героическое чудо».

Но Бог Витю любил! То, что мы приняли за разлетающиеся пальцы, оторванные взрывом, оказалось лохмотьями ар-

мейской рукавицы. Трехпалая суконная рукавичка приняла на себя кинетическую энергию взрыва. Правая рука курсанта Копыто тоже пострадала, но без видимых катастрофических повреждений. Все было на своих местах, лишь кисть мгновенно распухла до состояния подушки, пальцы раздулись, словно сардельки и оттопырились в разные стороны. Да так, что Витя и пошевелить ими не мог.

Когда поняли, что у бойца руки-ноги теоритически целы, на всех присутствующих накатила приступ истеричного смеха. Витя смотрелся очень комично. Кисть его правой руки напоминала пластиковый сувенир на присоске, который советские автолюбители лепили на заднее стекло автомобиля. Вспоминайте, такая пятерня с надписью STOP или ПРИ-ВЕТ на ладонке, которая игриво покачивалась на пружине, задорно помахивая остающимся сзади машинам.

«Войну» сразу закончили. Курсанта Копыто срочно загнали в медсанчасть на рентген. Дежурный врач, скрупулезно просмотрев снимок вдоль и поперек, пришел к однозначному выводу: «Бог Витю любит!»

Все: кости, связки, мышцы и прочее было в полной целостности и сохранности. Отек после разрывов мелких капилляров должен за пару недель сойти. Витю решили не госпитализировать. И это правильно. Дабы не вносить единичный случай

«непроизвольного членовредительства» в перечень срочных донесений и не портить показатели по технике безопасности, а так же показатели % боеготовых «штыков», курсанту Копыто выписали освобождение от службы и отправили в казарму на амбулаторное лечение.

«Боевые действия» на уральском морозе не прошли даром. Постепенно личный состав училища методично потянулся в медсанчасть, оглушительно сотрясая тесные коридоры богатырским кашлем. Потери личного состава от генерала-Мороза были настолько катастрофичны, что исчерпав ресурс койко-мест, медсанчасть стала тупо раздавать освобождения от службы налево и направо. В выборе курса лечения военные эскулапы руководствовались вполне обоснованной надеждой на мобилизацию внутренних сил молодых организмов. Которые сами справятся с недугом, если простуженным курсантам разрешить пару дней спокойно полежать на кровати в комфортных условиях родной казармы при температуре + 4 градуса по Цельсию.

Среди прочих «гофрированных шлангов», кому не хватило мест в больничке, оказался и я. Горло раздирала фолликулярная ангина и мне разрешили болеть на персональной койке в спальном помещении казармы. В качестве лекарства выдали второй матрас. Чтобы попытаться согреться, а в перспективе, обильно пропотеть. И это при + 4 в помещении?!

Что ни говори, а военные медики знают чудотворные секреты врачевания.

Согласно графика нарядов, в ночь на 23 февраля, наше 45-е классное отделение, как самое достойное и морозоустойчивое, отправили во внутренний караул по училищу. Дабы обеспечить надежное охранение чихающему и сопляющему войску, чудом выжившему в полевых условиях уральской зимы. А то вдруг еще, упаси Господи, кое-кто из командования НАТО воспользовавшись плачевным состоянием защитников Родины, отдаст коварный приказ на захват нашего поголовно кашляющего лазарета. Только вряд ли. По Женевской конвенции пленных лечить надо. А на страждущих тепла, заботы и здоровья курсантов в полном составе училища ВВС, у НАТО медикаментов не хватит. Не говоря уже про тепло и ласку. Много курсантов тогда с ног свалилось. Как бы даже не в районе трех тысяч человек.

Итак, 45-е отделение получив оружие и максимально утеплившись, убыло в караул. В казарме 4-й роты остались все больные, включая меня и травмированного Витю. Даже суточный наряд на «тумбочке», набранный из самых здоровых, периодически сотрясал ночную тишину своим душераздирающим.

– АААааааппппч*УЙ!!!!

Ночь. Утомленный болью, я забылся полуобморочным сном. Снилось, как многочисленное стадо пьяных ежей устроило чемпионат по футболу в моем горле.

Народный целитель

– Санек, просыпайся!

Жаркий шепот неугомонного Виктора лишил слабой надежды на отдых. Копыто тряс меня за плечо и брызгал слюной прямо в лицо.

– Саня, сегодня праздник 23 февраля, а ты дрыхнешь!

– Витя, отстань. Дай мне умереть спокойно.

– Санечка, как ты можешь?! Мы же военные. День Советской армии – это ж святое!

– Витя, не гневи Бога. Я тебя в очке утоплю, козья морда! Дай поспать. По-хорошему прошу.

– Да ты послушай! Пока ты валяешься, бездыханный, я в самоволочку метнулся.

Как Витя сумел надеть шинель с растопыренной пятерней – загадка?! Не голым же в такой мороз бегал?! А как че-

рез забор перелез?! Подтягиваться на перекладине Копыто и раньше не умел. Не хватало силенок у Геракла Пилопедрищенского. Но сбегал же?! Фантастика!

Слабость в организме неумолимо тянула в объятия Морфея. Витькины слова долетали через раз. Я сопротивлялся, не желая просыпаться.

– В активе две бутылочки «беленькой». На ужине в столовой я лучку прихватил, хлебушка. Лелик вчера посылку получил, сальца нам оставил, остальной харч в караул взял. Сашок, я тебя «в раз» вылечу.

– Копыто, будь человеком, исчезни. Веришь, ничего ни хочу?! Даже пить не хочу. А самое большее, чего я не хочу, это твою гнусно-счастливую рожу видеть. Дай покоя, пока тебя в травматологию не забрали с переломом черепа. По-доброму прошу.

Но спорить с Витей – занятие бесперспективное. Как чуть позже услышал в женской компании, куда меня занесла нелегкая: «Есть такие мужчины, которым проще отжаться, чем объяснить, что они тебе не нравятся».

Вероятно, Витя Копыто и был той моделью мужчины, после общения с которой, появилась эта народная женская муд-

рость.

Долго ли, коротко ли проходило мое лечение, не помню. Помню, что мы спорили предмет: «Стоит ли открывать вторую беленькую?» Я был категорически против, а Витя убедительно настаивал, что обязательно надо. При этом аргументируя, что это необходимо лишь для закрепления позитивного эффекта моего лечения, не более того.

По словам этого обормота получалось, что бегая в самоволку и организуя ночную пьянку, Витя рискует своей конопатой шкурой исключительно ради моего блага. Душа-человек, оказывается.

Пока мы препирались и я начал постепенно сдаваться, глубоко в душе понимая, что «процесс моего лечения» давно перешел за грань управляемого, мигнул свет в спальном помещении. Это был сигнал дневального о прибытии в расположении роты дежурного офицера.

Продолжая дожевывать кусок сала с луком, Витя авторитетно промычал.

– Санек, ложись и спи. Я сам все быстренько уберу, будь спок!

Остатки хлеба, сала, лука и непочатая бутылка «беленькой» скрылись в недрах прикроватной тумбочки. Я «принял горизонталь», а Витя заботливо прикрыл мою тушку вторым матрасом, выданным для согрева.

Затем схватил пустую бутылку и гроыхая сапогами в ночной тишине... по шесть подковок на каждом, пижон!!!... хаотично заметался по спальному помещению.

Бежать в туалет к мусорному баку было поздно. Монотонное бубнение дневального, докладывающего об отсутствии происшествий дежурному офицеру, неумолимо приближалось. Виктор метнулся к окну.

Внезапно в звенящей ночной тиши раздался душераздирающий треск разрываемой бумаги. Это Витя рывком открыл одну створку форточки. Зима, знаете ли, окна тщательно заклеивались. То, что створок – две: одна внешняя, другая внутренняя – Копыто как-то запомнил. Далее последовал профессиональный замах рукой... правда, уже левой и...

Предчувствуя непоправимое, я зажмурился.

Бог Витю любил! Бутылка попала в створку фрамуги. Почему-то не разбившись, она с грохотом упала между створок

окна.

Раздался еще более душераздирающий треск рвущейся бумаги. Витя рывком открыл всю створку огромного окна и схватил непослушную бутылку.

Опять последовал профессионально отточенный, практически коронный замах рукой и Витя отправил стеклотару в форточку. Причем, в ее закрытую часть. здец, приехали!

Под звон бьющегося стекла, бутылка скрылась в ночной темноте, глубоко зарывшись в сугробе. Кстати, мы ее потом нашли в мае, когда снег стоял.

Невозмутимый Копыто успел закрыть внутреннюю створку окна на два шпингалета и метнул нескладное тельце в ближайшую свободную койку, на лету укрываясь одеялом. Лишь скрипнули пружины, как по спальному помещению заскользил луч фонаря дежурного офицера.

На дворе была перестройка, ускорение и яростная борьба с любым проявлением пьянства и алкоголизма. За легкий запах спиртного вышибали из армии, не задумываясь и не учитывая годы безупречной выслуги. Пинком под зад! Без пенсии!!! А сломать об колено жизнь двоим курсантам?! Да запросто. Но, Бог Витю любил!!!! Возмездие за злостное

нарушение воинской дисциплины в ту ночь прошло мимо..
Невероятно, но факт. Пронесло!

Утром 24 февраля к нестерпимой боли в горле прибавилась головная боль. Ежики в горле активизировались и устроили необузданные брачные игрища, переслившись в мозг. Жить не хотелось.

– Сань, сейчас поправимся.

Копыто опять склонился над моим неподвижным телом, как образцовая курица-несушка над желторотым цыпленком.

– У нас еще бутылочка завалилась. А клин клином вышибают. Да и горлышко пополоскать тебе надоть. Лучше нет лекарства! Не сыщешь, говорю, лучше! К бабке не ходи.

– Витя, пропади где-нибудь, сделай милость!

Бесполезно. Словно гигантское членистоногое, Витя неестественным образом сложился вдвое и полез в свою тумбочку. Раздался характерный звук и по спальному помещению потянуло назойливым запахом водки.

– Копыто!

Этот вкрадчиво ласковый голос заставил меня инстинктивно вздрогнуть и накрыться одеялом-матрасом с головой. Мама, почему я не умер вчера?! Ну, все, налетели! Теперь, точно, выгонят!

– Копыто, что ты там делаешь?

В центральном коридоре казармы напротив нашего спального помещения стоял Пиночет. Комментарии излишни, этот военный был лишен сострадания и жалости. Чего там, он был лишен всего человеческого. Боевая машина, запрограммированная Общевоинскими Уставами Вооруженных Сил СССР.

Витя мгновенно вытащил из недр тумбочки белобрысую голову, напоминающую ершик для чистки унитаза. Загипнотизированный взглядом полковника, Копыто начал лепить полную хрень вперемешку с правдой маткой.

– Я, товарищ полковник, Симонова лечу. У него перпендикулярная вагина... ангина в смысле. Перпедидулярная ангина, точно. Горло раздирается на части, парень просто погибается. И температура бешеная. Вон он! Под одеялом, то есть под матрасом валяется.

– Ну и чем же ты его лечишь, Айболит хренов?!

– Водкой, товарищ полковник. Лучше компресса не придумаешь, согревает очень хорошо. А если в рот набрать побольше, да пополоскать от души – совсем чудненько! Но выплевывать нельзя. . . эффект будет лучше... глотать желательно...

– Водкой?! Ха-ха-ха!

Комбат решил, что курсант Копыто сошел с ума или шутит откровенно подобострастно. А ему, полковнику, очень лестно, когда его подчиненные не только обделяются при появлении «великого и могучего», «ужасного и справедливого», но и шутить, временами, изволят. Но, в меру. Самую малость. А великим быть, ой, как приятно!

Довольно похохатывающий комбат, двинулся в сторону кабинета командира 4-й роты капитана Хорошевского.

Когда Витя приблизился ко мне со стаканом водки, наполненным до самых краев, я не стал ничего говорить, что я о нем, редкостном говнюке, думаю. Я молча выпил содержимое стакана до последней капли.

Перед тем как проглотить обжигающую жидкость, я тща-

тельно и очень старательно прополоскал воспаленное горло. Смачно побулькав водкой, я сразу заснул глубоким и спокойным сном выздоравливающего.

До моего материалистического разума, воспитанного в советской школе на принципах убежденного атеизма, внезапно дошло... что плохого со мной не случится, пока рядом Витя Копыто. Я понял! Да что там понял?! Каждой клеткой своего мозга осознал, что Бог Витю любит! Не знаю за что, но любит искренне. Возможно, как свое не очень гармоничное и не совсем правильное творение?! А слабых и немощных, убогих и дурных, сырых и чудных, из покон веков народная молва зовет «божьими людьми». Наверно, не зря?!

И пока мы с Копыто вместе, Бог нежно погладил своей заботливой и ласковой отеческой рукой меня, грешного.

Химический день

Как неоднократно отмечалось, полковник Серов был бра-
вый вояка и «образцово-показательный» служака. И для под-
держания боевого духа курсантов в надлежащем тоне, а
может, из личной вредности, Пиночет ежемесячно устраивал
в вверенном батальоне «химический день».

«Химический день» – это во вторую среду каждого ме-
сяца весь личный состав 1-го батальона перед разводом
на занятия тупо строился на центральном плацу училища
с противогазами. Командиры взводов производили беглый
осмотр и докладывали о готовности командирам рот. В свою
очередь, командиры рот докладывали изнемогающему от во-
ждедения Пиночету о готовности к процедурам.

Курсанты тоскливо и обреченно ждали «горячо люби-
мую» команду: «Газы!»

Команда: «Газы» подавалась своевременно. Причем, по-
давалась исключительно под гаденькую и ехидную улыбочку.
С профессиональной скрупулезностью и педантичностью,
Пиночет засекал на секундомере зачетное время ее выпол-
нения.

– Газы!

Услышав сакраментальное «Газы», курсанты друженько натягивали резиновую конструкцию типа «противогаз абны-кавенный».

Упиваясь картиной монолитного и безликого строя в тысячу голов с серыми слоновьими гофрированными хоботами, удовлетворенный комбат с улыбкой поглядывал на «резиновое» стадо. Убедившись, что норматив выполнен безукоризненно, Пиночет громко и внятно подавал команду для торжественного прохождения маршем. Мимо него естественно.

И мы по-ротно и по-взводно, бодренько топая сапогами, идеально ровными строями проходили мимо «ненаглядного» Пиночета. Проходили старательно оттягивая «носок» и с традиционным равнением «направо», поблескивая ровными шеренгами запотевших окуляров на резиновых масках ненавистных противогазов.

Спасибо, что в этот незабываемый момент хоть строевую песню не заставляли исполнять.

После торжественного прохождения строем, курсанты классными отделениями расходились по плановым заняти-

ям и целый день таскали с собой, а то и на себе... в перерывах между учебными парами... обрыдлые до тошноты резиновые изделия.

За соблюдением режима «химического дня» Пиночет наблюдал лично. Появляясь в самых неожиданных местах, вплоть до туалетов, он щедро раздавал внеочередные наряды всем желающим уклониться от увлекательной процедуры обязательного ношения противогаза в короткую перемену между учебными занятиями.

Стоит отметить, что «химический день» был абсолютно неизбежен. Он неизменно наступал независимо от времени года и погодных условий. «Химический день» стал таким же обязательный, как восход солнца.

Мы таскали противогазы летом в жару при +30 по Цельсию и выше. Когда пот обильно стекал внутри маски резинового гандона, безжалостно разъедая глаза и кожу. Окуляры очков мгновенно запотевали и курсант превращался в слепого котенка, ориентируясь в окружающем пространстве исключительно на слух или двигаясь в строю подразделения, фактически, наощупь, опираясь на плечо товарища. Оставалось только точно выполнять строевые команды сержантов или офицера: «левое плечо вперед, стой, шагом марш» и т.д. и т.п. и прочее. Зато развивалось пространственное осязание

и чувства локтя.

Самое интересное, что сверху на противогаз необходимо было надеть головной убор. Картина маслом. Когда началась массовая утеря пилоток, обеспокоенное командование разрешило подтыкать пилотку за поясной ремень. Посудите сами, через толстую резину противогазной маски невозможно оценить, находится ли в данный момент на персональной тыковке казенный головной убор или нет. В условиях суровой уральской зимы военную шапку, однозначно, приходилось надевать поверх противогаза. Цирк да и только! Представить такое непросто, особенно на трезвую голову. Это надо увидеть собственными глазами. Потом по ночам будет сниться.

При снятии противогаза жарким летом зачастую из подбородочной части резиновой маски выливалась приличная струйка пота. А лица курсантов были багрово-красными с разопрелой и опухшей кожей, которая воспалялась и садни-ла.

Противогазы таскали зимой в морозы при -30 по Цельсию и ниже. Зимой особенно тоскливо натягивать холодную и замерзшую резину, опять же, с заиндевевшими стеклянными очками, на обмороженное и обветренное лицо.

Народ тихо матерился и всячески пытался саботировать

это увлекательное мероприятие. Многие ребята вырывали обратные клапана – в призрачной надежде на незначительное облегчение дыхания и дополнительную вентиляцию кожи, которая запревала в любое время года, обжатая тисками плотно подогнанной резиновой маски.

Отдельно стоит отметить, что маска противогаза изнутри щедро посыпана слоем талька. Тальк необходим, чтобы резиновое изделие не слипалось при хранении. Но в тоже время, тальк безбожно сушит кожу, готовую мгновенно треснуть даже от слабой попытки открыть рот.

Некоторые курсанты откручивали гофрированный шланг от фильтрующей коробки и засовывали свободный конец в брезентовую сумку. Слабое утешение, но дышать становилось немного легче.

Но опытного комбата просто так не возьмешь, на мякине не проведешь. Дабы свести на «нет» все отчаянные уловки курсантов хоть как-то облегчить себе жизнь, злорадный Пиночет частенько приносил на построение батальона какую-нибудь хлорпикриновую шашку. Выбирая на свой выпуклый командирский взгляд подозрительные подразделения, полковник Серов периодически обкуривал газом потенциальных нарушителей, склонных к порче военного имущества.

У кого герметичность противогазов была нарушена в результате несанкционированно-рациональной доработки, описанной выше, в прямом смысле этого слова – «со слезами на глазах» вываливались из монолитного строя. Курсанты срывали ненавистный, но абсолютно бесполезный в данном случае противогаз. Падая на колени, ребята рыдали горячими слезами, вытирая воспаленные глаза.

В подобные моменты Пиночет был даже весел. Небрежно указывая носком идеально начищенного ботинка ползающих на четвереньках ребят, он ласково и нежно называл их «гофрированными шлангами» и «потенциальными кандидатами в трупы». При этом комбат никогда не забывал внести ФИО провинившихся в список «очередного» внеочередного наряда. Вопросов нет, естественно, он был прав. Но нам от этого не легче.

Однажды суровой уральской зимой коварный Пиночет решил превзойти самого себя. Он притащил на построение батальона не какую-нибудь позорно маломощную и слабосильную дымовую шашечку микроскопических размеров, а огромную зеленую хрень, размером с внушительное ведро. Объемная штукенция с двумя ручками по бокам выглядела непривычно и устрашающе.

Курсанты недоуменно замерли. На плацу было -32 с порывистым ветром. Добровольно надевать резиновые намордники никому не хотелось. Курсанты настороженно смотрели на зеленое ведро, всем видом источавшем явную угрозу.

Полковник Серов с «отеческой заботой» посмотрел в наши лица и с неизменно-ехидной улыбочкой подал команду.

– Газы!

Вытащив зажигалку, Пиночет многообещающе хмыкнул и поджег фитиль у ведроподобной шашки.

На плацу было жутко холодно. Порывистый ветер безжалостно трепал полы тонюсеньких курсантских шинелей, пробирая почти до самых костей. Естественно, никто из ребят не горел желанием расстегивать сумки противогазов. А те, кто уже достал противогазы, не торопились надевать вставшие колом резиновые маски. Все заморожено смотрели на быстро убывающий фитиль.

Откровенно скучая, Пиночет искоса наблюдал, как веселый огонек щедро разбрасывает многочисленные магниевые искры. Огонек постепенно подобрался к верхней крышке «ведра». Замерев на короткое мгновение: как бы о чем-то раздумывая или колеблясь, он ярко вспыхнул на прощание

и шустро исчез внутри зеленой банки. Пиночет оживился. Его улыбка стала заметно шире. В глазах загорелся гаденький огонек любопытства и азарта. Веки слегка прищурились, зрачки сузились. Комбат замер в ожидании чего-то «этакого» особенного.

Через секунду ведро весело пыхнуло белым облаком и начало активно дымить клубами желто-горчичного газа, показывая весьма достойную производительность.

Желто-горчичный дым сначала поднимался вертикальным столбом. Затем его горчичная часть начинала стелиться вдоль поверхности земли, желтая поднималась выше и рассеивалась. Комбат был явно доволен, но недолго.

Травля тараканов

Сильный уральский ветер милостиво сносил вонючую дрянь в сторону от курсантов и она, фактически, не цепляла наш строй. Видя, что ядовитое облако расходуется напрасно, фактически, «в никуда», не производя ожидаемого эффекта на курсантскую братию, Пиночет обиделся, как капризный ребенок. Он смешно выпятил нижнюю губу и раздраженно повторил любимую команду раз десять.

– Газы! Газы! Газы! Я кому сказал «Газы»?!

Мы не спешили ее выполнять, потому что на сильном ветру даже шевелиться было противно и холодно. Все ребята уже основательно замерзли и замерли с оттопыренными в разные стороны руками, стараясь вообще не двигаться. 1-й батальон напоминали стадо арктических пингвинов перед взлетом. При малейшей попытке прислонить руки «по швам», промерзшая насквозь одежда соприкасалась с относительно теплой кожей тела и начинала безжалостно ее холодить, вызывая очень неприятные ощущения.

Но армия это есть дисциплина! Поэтому получив команду «Газы» в двадцатый раз, пересиливая себя, мороз и ветер, зябко поеживаясь, ребята начали расстегивать брезентовые

сумки. Кое-кто даже нехотя снял свои шапку, чтобы освободить голову для надевания маски противогаза. Тихо ругаясь, курсанты засовывали эти шапки в самые различные места. Кто себе под мышку, кто в промежность между ног, кто на освободившееся место в противогазную сумку. Но делалось все так медленно, так неторопливо, что ни о каких норма-вах даже и говорить нечего. Стрелка на секундомере Пиночета замыкала далеко не первый круг.

Короче, народ упирался «до последнего», а Пиночет настаивал. Полковник грозился ввести два «химических дня» в месяц. Он обещал сгноить всех в газовом бункере за штабом училища, как вдруг случилось неожиданное.

Двое «рецидивистов» из числа курсантов нашей роты, быстро надев противогазы, подбежали к дымящему «ведру». Схватив металлическую хрень за боковые ручки, парни бе-гом затащили источник газообразной горчицы в фойе глав-ного учебного корпуса.

Изумленный безмерной наглостью, полковник Серов не успел даже крикнуть, как из всех щелей четырехэтажно-го здания повалил густой горчичный дым. А через некото-рое время, вынося входные двери побежали преподаватели, включая суточный наряд и женщин с кафедры «Иностран-ных языков». Бежали все, причем наперегонки и не соблю-

дая военной иерархии и каких-либо рамок приличия.

Картина массовой эвакуации плачущей и активно сопливающей толпы, которая в панике ломилась в единственную открытую дверь стеклянного аквариума, повергла всех курсантов в состояние ужаса и неудержимого смеха одновременно. Такое зрелище не забывается, поверьте на слово.

В результате, занятия в тот февральский вторник были сорваны вчистую. Учебный корпус проветривали целый день, отрыв настежь окна на всех этажах. И это при -32 и сильном ветре. В придачу к загазованности и нестерпимой вони, в аудиториях и бесконечных коридорах учебного корпуса, чуть было не разморозили систему отопления огромного четырехэтажного здания.

Полковник Серов был срочно вызван на аудиенцию к генералу. Суровый старик ни в чем себе не отказал. Начальник училища исключительно качественно вздрючил Пиночета, который целую неделю имел бледный вид и неровную походку.

Пиночет навсегда отменил проведение «химических дней» в вверенном ему батальоне. Ура, ура, урааааааа!!!

Уязвленный и злопамятный, полковник Серов неодно-

кратно предпринимал попытки, напрягая прикормленных осведомителей и ручной комсомольский актив, установить личности двух «мерзавцев», которые затащили газовую шашку в учебный корпус. Но все титанические усилия ни к чему не привели. Ибо форма одежды у всех курсантов одинакова, в противогазах – подавно.

Участники происшествия благоразумно держали язык за зубами, сохранив тайну дерзкой операции вплоть до выпуска из училища в звании лейтенантов.

А Пиночет рвал и метал. Комбат, буквально, заходил-ся в приступах бессильной злобы, переходящей в неудержимую ярость. При его патологической подозрительности, мстительности и фантастической памяти, он мечтал вычислить ребят любой ценой. Это стало для него делом чести и навязчивой идеей.

Осознавая, что время неумолимо приближается к выпуску, а отмщение не предвидится и заслуженная кара в виде самого засраного распределения остается нереализованной, в порыве отчаяния, Пиночет объявил награду «за их головы». Комбат поклялся перед строем курсантов, что обеспечит любое распределение для дальнейшей службы по желанию и выбору того стукачка, который предоставит достоверную информацию о личности двух «камикадзе». Но тщетно.

Эта тайна так и осталась не раскрытой.

Лично от себя могу выдвинуть предположение, что не пойманными героями были Артур Рудась из 43-го классного отделения и наш незабвенный Витя Копыто. Причем, Артур Рудась – без вариантов. Его узнали однозначно. А вот Витя под вопросом. Но тот факт, что Витя исчез из строя 45-го отделения, когда мы стояли на плацу и не спешили натягивать противогазы, а появился лишь по пути в казарму, наводит на соответствующие выводы и раздумья.

Более того, при многократных обсуждениях случая с дымовым ведром, Витя, всегда заводной и словоохотливый мгновенно менялся в лице. Заметно бледнея, он замолкал словно рыба, всячески уводя тему в другое русло.

Тем не менее, кто бы это ни был, спасибо вам парни!

Мороз

Во попали, так попали! За окном казармы на градуснике целых -42 градуса по Цельсию! *здец! Фантастика! Аж представить страшно. -42, куда деваться?! И такая радость на Урале?! Как вспомню, до сих пор мурашки по спине бегают. Каждая размером с приличного бегемота.

Слов не хватает, чтобы выразиться адекватно и в рамках разумного приличия. Остались одни эмоции и те все больше с явновыраженным нецензурным уклоном.

У национальных кадров «а-ля-Кавказ, очень средняя и весьма южная Азия» случился непроизвольный, но весьма продолжительный ступор с неконтролируемо-паническим выпучиванием угольно-карих глаз.

Вечно смуглая кожа теплолюбивых ребят, которую не смогла отмыть суровая училищная баня с хозяйственным мылом и стандартной армейской мочалкой, похожей на пучок колючей проволоки, неумолимо побледнела и стала землисто-серой с явно синеватым оттенком, словно у бройлерной курицы отечественного образца, самопроизвольно усопшей в глубокой старости. Еще совсем немного и кавказско-азиатские мачо начнут превращаться в блондинистых

арийцев. Причем, абсолютно истинных и с нордическим характером. Сдвиги уже налицо... и на лице.

С резким понижением температуры за бортом казармы и внутри нее, горячий темперамент «настоящих мужчин» заметно поостыл. А куда деваться, когда персональная тушка неумолимо остывает, а нижняя челюсть начинает самопроизвольно, то есть независимо от желания хозяина, отбивать отчаянные сигналы «SOS» по азбуке незабвенного Морзе! Громко... и непрерывно.

А глаза. Глаза! Какие у них были глаза! Глаза – это нечто! Огромные, выразительные, наивно-трогательные и жалостливые. На столько неприкрытого страха и абсолютной потерянности в темно карих глазах ребят с уютно-комфортного юга «генацвали and аксакалы», мы никогда не видели.

Все, наступил тотальный *здец! Для нац.кадров – никакой формы жизни, включая «неразумную и спонтанную», за пределами казармы уже не существует.

Там космос, вакуум, бабай-кирдык-кальтен-жопа. Причем, слово «жопа» исключительно с заглавной буквы «Ж» и с двумя «п».

– Жоп-па!

Легендарный «*здец» рядом не стоял и банально отдыхает.

– Там Жоп-па! У-уууу, страшно!!!

Выставить представителей национальных меньшинств за дверь – верная смерть. И наверное, почти мгновенная! Причем, даже не от самого небывалого мороза, а просто от элементарного шока и всепоглощающего ужаса.

– 42?! Жоп-па, бля!

Действительно, страшно. Конец света!

Потом, между степенными затяжками душистого кальяна на малой родине можно будет всю оставшуюся жизнь, если выживешь, конечно, неторопливо и солидно рассказывать «глюОпому и зеленому» молодому поколению в тубетейках героические эпосы из своей армейской жизни. И обязательно о «шайтан-урал-земля», где живет невиданный и жестокий «лютый-капец-*здец-морозяка». Слушайте и удивляйтесь! Был, видел, мерз, как собака, но чудом выжил. Хвала Аллаху! И заклинаю вас всеми святыми: в ту сторону, куда показывает единственная стрелка непонятных и странных часов под идиотским названием «компас», которые по-

чему-то не тикают, ездить нельзя! Там живет «холодная белая смерть»! УУууу!!!

Говорят где-то в Оймяконе... по дружному и единогласному мнению нац.кадров – проклятая небом земля... стоит памятная стелла с табличкой и надписью в -67,7 по Цельсию. Сподобилось такое счастье в 1933 году. Сам не видел ни стеллу, ни табличку, ни того мороза. Честно говоря, не горю желанием. Совсем! Никогда!

Абсолютно не желаю ни только лично засвидетельствовать рекордную температуру, но и слышать о ней. Упаси Господи! Эту бы пережить без потерь обмороженных конечностей, а так же без других пагубных последствий для персонального здоровья! Не смейтесь, один придурок из соседней роты, на спор решил пописать на улице. Потом в медсанчасти отдыхал почти календарный месяц, крайнюю плоть обморозил. Был бы обрезанным, вообще – без конца бы остался.

Все-таки товариСТЧ Гитлер был законченным кретином. Факт! Перед тем, как идти воевать на землю русскую, ему бы к товарищу Сталину за льготной путевочкой обратиться. И неспешно прокатиться на паровозике в туристическую поездку до Дальнего Востока через Урал-батюшку и Сибирь-матушку. И обязательно зимой! С чувством, с толком,

с расстановкой. Чтобы самолично убедиться в неопишуемой красоте земель русских и прочувствовать на себе, любимом, всю прелесть уральско-сибирского резко-континентального климата. А то икалось ему долго бедненькому, не иначе. Особенно, когда благодарные солдаты вермахта и люфтваффе, отбывая стандартную трудовую повинность на гостеприимной Урале и в не менее гостеприимной Сибири, в качестве военнопленных, естественно, вспоминали «добрым сердечным словом» «мудрого и прозорливого» фюрера с его патологической мечтой о мировом господстве. Ладно бы, начал с америкосами на курорте Багамских островов воевать или высадил бы десант во Флориде или в Калифорнии, вопросов нет. А то поперся сразу в таежную Россию! Придурок, одним словом! Эх, Адольф, Адольф, дубина немецкая, Бисмарка читать надо было внимательно, а не по баварским пивнушкам шастать.

Шутки-шутками, а долбаный гидрометеоцентр с каким-то издевательски-патологическим и жизнеутверждающе-убогим оптимизмом продолжает вещать о дальнейшем «кратковременном» понижении температуры на ближайшие сутки.

Причем, радостно так вещает! Типа, идем на рекорд, дорогие жители сурового, но очень гостеприимного края! Мол, такой уникально низкой температуры не было зафиксирова-

но на Урале еще со времен первобытно-общинного строя! А сейчас, нате вам, дорогие сограждане, получите и наслаждайтесь. Рекорд!

Идиоты, нашли чему радоваться. Этот рекордный мороз уже в нашу казарму пробрался и решил тут поселиться на постоянной основе, пока весной не выгонят. Если, конечно, она еще будет, весна, в смысле. Что-то уже как-то и не особо верится в такое чудо. А если зима вообще не кончится?! Вот это будет засада... Упаси, Господи!

А улыбочивый диктор из замерзшего телевизору знай себе, радуется и зубоскалит с раздражающим оптимизмом беспробудного дауна.

– По уточненным данным авторитетных метеорологов, в ближайшие сутки ожидается очередное понижение температуры. Ориентировочно показание термометра может опуститься ниже отметки в -50 градусов по Цельсию!

Атас! *здец! Помогите! Мааааааа-маааааааа! Куда же еще ниже?! Куда еще опустится?! Я вас спрашиваю! Ниже только конец шкалы термометра. Некуда дальше опускаться, некуда! За -30 градусов нету больше на шкале ничего... нету и дорисовать не успеем. Товарищи метеорологи, Вы что там, совсем йопнулись умишком с вашими прогноза-

ми?! Поимейте совесть. Нам еще жить хочется! И что характерно, жить долго и счастливо, но не внутри холодильника с гигантской морозильной камерой! Сделайте одолжение, посмотрите еще разок повнимательней на градусник, а?! Снимки из космоса проанализируйте... тьфу, то есть проанализируйте получше. Ну нельзя же так! Может где потепление какое-никакое проглядывается?! Ну, пожалуйста...

Откровенно говоря, складывалось впечатление, что градусник за окном казармы окончательно замерз. Реально и конкретно превратился в жалкую ледышку с красной каплей спиртосодержащей жидкости на самом дне стеклянной колбочки. Кстати, сама капля была уже совсем не красная, а какая-то бледно-розовая! Наверно остыла и безнадежно замерзла, родимая. Честно говоря, не видно того градусника за приличным куском намерзшего льда вперемешку с инеем.

В помещении казармы всего +4 градуса. Все окна изнутри покрылись толстым слоем льда. Причем, толщиной в палец, не меньше. И это несмотря на то, что перед входной дверью в роту повесили штору из шерстяных одеял на манер «тепловой завесы». Все щели в окнах повторно и тщательно проконопатили и загерметизировали. Но все тщетно. Товарищ Мороз уже прописался внутри казармы на постоянной основе, хрен выгонишь.

Батареи в помещении роты еле-еле теплые. Можно не щупать. Только примерзнешь. Складывалось впечатление, что горячая вода из училищной котельной не успевала добежать по трубам до ближайшего здания, мгновенно остывая в промерзшей насквозь земле.

В курсантские головы лезли абсолютно дурные мысли. Например, что остыла планета Земля! Вся! Целиком! Повсеместно! Вот ужас-то, а?! Или что Солнце перестало греть. И так далее и тому подобное.

Почистить зубы или умыться считалось подвигом. Повторить судьбу генерала Карбышева никому не хотелось, ибо вода из крана текла не просто холодная, а супермегагиперледяная. Вода походила на некую густую субстанцию с пограничными физическими свойствами. От любого контакта с ней кожу рук и лица мгновенно обжигало нестерпимым холодом. А при малейшей попытке прополоскать рот, чтобы почистить зубы, на них начилали скрипеть кристаллики льда, а сами зубы ломило вплоть до корней.

Тут уже не до личной гигиены и общественной санитарии. Из двух зол надо выбирать меньшее. Будем надеяться, что всякая хренотень, типа вшей, чесотки, бактерий, микробов, вирусов и прочей мерзости – достаточно теплолюбивая дрянь, поэтому давно и благополучно вымерла, не пережив

скотских условий.

Нет, ну что за *дство?! Что за климат, я вас спрашиваю?! Как в таких нечеловеческих условиях можно жить?! От проклятого и всепроникающего холода ведь никуда не спрячешься. Он везде и повсюду. Холод был не только внутри помещений, но фактически, и внутри каждого из нас. Медленно циркулирующая по венам кровь практически не согревала безнадежно закоченевшие тушки.

Укутанный в кучу шарфов и свитеров, диктор по телеку знай себе вещает про морозную погоду с радостной ухмылкой клинического олигофрена. Причем, почти без перерыва вещает. Типа, детям в школу однозначно не ходить, взрослым дядям и тетям на работу как бы и надо... но, если не очень далеко... по самочувствию, так сказать, не в ущерб персональному здоровью. Короче, по личному усмотрению, дорогие товарищи, как вам подскажет ваша социалистическая совесть!

Мне бы точно подсказала: «Оденься потеплее и сиди дома безвылазно до самой весны, периодически посасывая водку с медом!»

Но не тут то было, 45-му классному отделению завтра во внутренний караул заступать. Однозначно и без вариантов.

Внутреннюю службу никто не отменял, поэтому никакие отговорки не принимаются и не рассматриваются.

Аномальная погода и трахнувшийся умом мороз-извращенец, потерявший последние остатки совести, абсолютно побоку. Боеготовность это, понимаешь, боеготовность! Независимо от температуры забортного воздуха боеготовность была, есть и должна быть. Куда деваться?! М-де, приехали мальчики, перемерзнем все поголовно, к бабке не ходи.

Капитан Хорошевский экстренно построил 4-ю роту в центральном коридоре казармы. Курсанты встали в строй прямо в шинелях. Пока еще без шапок, но уже засунув руки в карманы. На фоне понижения температуры окружающей среды, понизились и требования к воинской дисциплине. Володя Хорошевский тоже был в шинелке, причем, в основательно застегнутой на все пуговицы и с поднятым воротником. Когда офицер заговорил, от его губ отделилось облачко теплого воздуха.

– Товарищи курсанты, проявляя постоянную и своевременную отеческую заботу о личном составе, то есть о вас, господа юнкера-кадеты, командование училища приняло решение разрешить вам одевать под военную форму одежды любые «вшивники» и прочую хрень из «гражданки», которую вы спрятали для самовольных отлучек. В допол-

нение к спальным принадлежностям, всем курсантам надлежит срочно получить второй матрас, чтобы использовать вместо одеяла. А то очоуритесь на хрен, не дай Бог. Все учебные занятия кроме строевой и физ.подготовки будут проводиться строго по плану и в соответствии с утвержденным расписанием, но в учебных аудиториях можно сидеть в шинелях. Как только потеплеет хотя бы до -30, все послабления автоматически отменяются. Понятно? До всех дошло? А то будете потом бляеть, что не слышали, не поняли, не въехали...

– Ага, понятно! Только сейчас по радио и по теле****е-ру передали, что к завтраму мороз окончательно офигеет. Он, типа, берет на себя повышенные социалистические обязательства разменять минус полста градусов. Причем, легко и со свистом! А 45-му классному отделению, как бы это... в караул заступать...надо... вот! Это ничего?!

– Да знаю я. Сам слышал этот ублюдочный прогноз. Со всем метео охренело, дибилоиды мудоковатые, не могут что-нибудь потеплее намастрячить и спрогнозировать. Некому в бубен постучать, что ли?! Поворотить над картой, в жертву чего-нибудь или кого-нибудь принести, чтобы небеса задобрить?! За что только деньги получают?! Непонятно! Так! Слушай сюда, я все продумал и о вас позаботился. Господа мундеркинды, цените своего отца-командира!

Итак, заступающим в караул, надлежит немедленно получить в каптерке роты вторые портянки и валенки. Старшина! У тебя где-то завалилось несколько шинелей 56-го размера?! Выдай личному составу караула. Пусть по две шинели на себя натянут, кому налезет, естественно. А сверху еще постовой тулуп. Надеюсь, что поможет ближайшие сутки пережить. В караул обязательно взять лицевые полотенца. Всем! Будете их вокруг «морды лица» наматывать, чтобы щеки и носы не поморозить. Далее, морозонеустойчивых нац.кадров, по возможности, расписать на посты внутри помещений. Первый пост – знамя в штабе, 4-й пост – училищная гауптвахта. Золушек, у кого размер ноги немыслимо огромный и валенки не налезут, приказываю назначить разводящими. Пусть бегают каждый час и посты меняют. Тогда, точно, замерзнуть не успеют. Некоторым сержантам славянской наружности придется заступить обычными часовыми, куда деваться?! Нац.кадров надо беречь. Все, все свободны! Вечерней поверки не будет! Надеюсь в такую погоду ни один Казанова в самоволку не побежит?! Себе дороже! Рота, отбой!

Сделав над собой нечеловеческое усилия, курсанты почистили зубы ледяной водой. Помыть ноги и ополоснуться никто не рискнул. И это правильно, дурных в училище не берут, ПФЛ не дремлет.

Вместо того, чтобы раздеться и лечь баиньки, парни по-вытаскивали из чемоданов и секретных тайников всю «гражданскую одежду», что была старательно заныкана и хранилась «пуще глаза».

Напялив любое мало-мальски пригодное домашнее тряпье, ребята стали напоминать немчуру, плененную под Сталинградом. Старательно укрывшись вторым матрасом поверх одеяла, каждый попытался совладать с ознобом и произвольным кляцаньем зубов. Чтобы хоть как-то согреться, многие укрылись с головой и усиленно дышали вовнутрь «спального мешка».

В ночной тиши было отчетливо слышно, как дневальный по роте всю ночь тупо шарахался по коридору, нарезая километры, пытаясь согреться в движении. Суточный наряд вместо влажной уборки активно играл в «два притопа, три прихлопа».

Наступившее утро гарантированно «порадовало» очередным планово-предсказанным понижением температуры до -45 градусов.

Наутро желающих умыться и почистить зубы набралось значительно меньше, чем вечером. Оно и понятно, вода из

крана, фактически, не вытекала, а грациозно тянулась. А на зубах задорно похрустывали уже не кристаллики льда, а мелкие льдинки.

Выходить из казармы не хотелось. Даже для того, чтобы пойти в столовую на завтрак. Тем не менее, питаться надо, чтобы организм грел самого себя изнутри. Максимально плотно натянув шапки и завязав ушные клапана у подбородка, 4-я рота нехотя выползла на улицу. Пока спускались по лестнице, все курсанты спонтанно подняли воротники шинелей.

А на улице – красота невероятная! Небо чистейше-голубое, ни облачка. Вся влага в воздухе давно вымерзла. Видимость «миллион на миллион»! Невесомый снег задорно хрустит под ногами.

И все бы ничего, но настырный морозец как-то по-хозяйски полез под полы курсантских шинелей и начал кусать колени. Сапоги мгновенно задубели и перестали гнуться. Всепроникающий холод противной волной пробежался по спине, повсеместно обжег кожу и начал неумолимо пробираться вовнутрь остывающих тел. Курсанты мгновенно замерзли и начали хлопать себя по бокам, пританцовывая на месте. Особенно усердствовали «товарищи с юга». Их незамысловатые движения напоминали «пляску святого Витта»

или брейк-данс сломанного робота, получившего приличный разряд молнии.

Старшина роты, видя, что рискует потерять личный состав, причем, весь и сразу, подал команду.

– Рота, бегом марш!

Пробежавшись до столовой и хватанув в легкие приличную порцию колючего морозного воздуха, многие парни надрывно закашлялись. Но хотя бы не замерзли на полдороге и то ладно.

Без энтузиазма поковырялись в заиндевевшей пище. Запив предыдущее «мороженое» откровенно холодным чаем, мы шустро разбежались на учебные занятия, которые прошли в режиме пассивных лекций. А как иначе, если шариковые ручки безнадежно замерзли. Шутки-шутками, но па-ста отказывалась перемещаться из стержня на лист бумаги, несмотря на титанические усилия по разогреву ручки методом интенсивного трения между ладонями.

Чернильные ручки оказались на высоте, хотя вели себя не совсем адекватно. Но, откровенно говоря, были на голову выше шариковых. Что ни говори, а чернильная ручка – это классика жанра! Шедевр научно-технической мысли,

особенно, поршневая! Тем не менее, держать чернильную ручку в безнадежно замерзших руках со скрюченными пальцами, на которые натянуты трехпалые армейские рукавицы, не совсем удобно, поверьте на слово.

Пообедали безнадежно замерзшим супом с неизменным комбинжиром, застывшим вдоль окантовки тарелки в виде противной коричневой пленки а-ля-солидол. Попытались погрызть кусок заледеневшей геркулесовой каши. Пить компот с плавающими кусочками льда почему-то желания не возникло и мы потянулись к выходу из столовой.

Быстро выскочив на улицу, сразу двинулись в сторону казармы, ибо любое промедление было смерти подобно. Максимально оттопырив руки в разные стороны на манер крыльев у самолета, курсанты побежали в роту, принимая вид приблизительного строя уже практически на бегу.

Растопырили руки в стороны, потому что малейшее прикосновение промерзшего насквозь обмундирования к относительно теплой коже персональной тушки вызывало очень неприятные ощущения. Очень!

Напоминая стадо галопирующих на взлете пингвинов, мы ввалились в родную казарму, где комнатный термометр бесовестно замерз на отметке +4 градуса. Откровенно говоря,

достаточно оптимистичные показания не вызывали ни малейшего доверия.

Получив автоматы и боеприпасы, с чувством безысходной апатии «словно бычки на заклятие», 45-е отделение потащилось на развод суточного наряда.

Это был самый быстрый развод за всю историю училища ВВС. Он пролетел, буквально, за пять секунд и закончился, не успев начаться. Дежурному офицеру было не до уставного политеса. Дежурный по училищу нетерпеливо махнул рукой и мы побежали принимать караул.

В помещении караулки было, на удивление, комфортно и относительно жарко. Термометр, висящий в комнате отдыхающей смены, позиционировал наличие целых +16 градусов! Обалдеть, вот оно счастье! Жара! Тропики, одним словом! Ура, живем! Хоть отогреемся, наконец.

Попытка развести первую смену по постам получилась очень быстрой. Почти стремительной. О качественной приемо-сдаче постов не было и речи. Длительно это... когда качественно и скрупулезно. А помереть молодым, проверяя наличие и целостность мастичных печатей на дверях оружейных складов, как-то не особо и хотелось.

Самое сложное при смене часовых – открыть замки внешнего периметра поста. Амбарные замки позамерзали «вусмерть». Приходилось брать кусок газеты, спички и жарить замок в открытом пламени, пока промерзший абсолютно насквозь часовой танцевал задорную «джигу с чечеткой». Мечтающий смениться с поста парень, всячески подгонял новую смену, отборно матерясь за колючей проволокой. Особо нетерпеливые грозили перестрелять всех и каждого за малейшее промедление при смене часовых.

После успешного открытия калитки поста, будучи разводящим, я брал в руки два автомата заступающего и сменяющегося. А в это время парни быстро менялись на посту. Как это выглядело?!

Часовой, отстоявший положенный час, молниеносно сбрасывал меховой тулуп. А курсант, заступающий на пост, быстро нырял в длиннущую дубленку армейского образца. Затем сменившийся часовой забирал у меня свой автомат и автомат заступившего часового. Я вытаскивал из грудной части своей шинели вафельное полотенце, согретое моим телом, и вставлял его за клапана шапки заступившего часового, тщательно закрывая его лицо, наподобие маски: от подбородка по самые глаза. Затем поднимал огромный ворот постового тулупа. Чтобы ворот остался в вертикальном положении, брал кусок колючей проволоки, накидывал его вме-

сто шарфика на шею часового и одним витком «колючки» фиксировал данную конструкцию.

Стоит особо отметить, что на сильном морозе, выходящий на выдохе через нос или рот человека теплый воздух сразу же осаждается на ресницах, покрывая их толстым и пушистым слоем белого инея. После пребывания на улице, длина ресниц у курсантов становилась настолько гламурная, что любая девчонка продала бы душу дьяволу за такую красоту. Правда, активно моргать глазами было категорически противопоказано, так как заиндедевевшие ресницы мгновенно слипались. А намотанное на лицо полотенце уже через полчаса покрывалось приличной ледяной коркой.

«Последним штрихом» в процедуре смены часовых было следующее: я брал автомат застывшего за пост курсанта и вешал его на шею часовому на манер немецкого «шмайсера». Оставляя часового на посту, я мысленно молил Бога, чтобы парень не запутался в длинных полах тулупа и не грохнулся в сугроб, потеряв равновесие. Ибо подняться без посторонней помощи одетому в многослойное обмундирование бойцу было не под силу. Так и пришлось бы лежать бедолаге в глубоком сугробе, распластавшись, словно морская звезда, пока очередная смена не прибежит меняться.

После успешной смены следовала традиционная «огнен-

ная процедура» с успевшим основательно замерзнуть амбарным замком.

Оставив часового один на один с безжалостным морозом, мы стремглав бежали в караульное помещение в смутной надежде хотя бы символически согреться за стаканом горячего чая.

Добежали... все! Живые! Ура! Звоню в калитку караульного помещения. К нам выбегает курсант с газетой и спичками. Опять «огненные процедуры» с замком. Бля, ну что на хрень?! СССР – страна северная! Так почему нет морозоустойчивой смазки, которая бы гарантировала устойчивую работу замков при отрицательных температурах?! Космонавты в условиях вселенского холода тоже газетой и спичками замки отогревают если надумают в открытом космосе прогуляться?! Никогда не поверю, там абсолютный вакуум и горение газеты не поддерживается. Так значит низкотемпературная смазка есть?! Должна быть в конце концов...

Газета догорела, замок покрылся испариной, значит, оттаял родимый. Щелчок ключа и, наконец, мы внутри периметра караульного дворика. Вот она, металлическая дверь с маленьким окошком. Дверь, за которой есть горячий чай и целых +16 градусов острodefицитной жары! Вот она, но... перед тем, как зайти внутрь караулки, надо разрядить оружие.

А тут опять закавыка. За минувший час «приятной прогулки» на свежем воздухе автомат сменившегося часового промерз насквозь и стал «белым и пушистым» в прямом смысле этого слова. АК-74 реально покрылся слоем ослепительно белого инея, похожего на меховой ворс.

В результате, безотказный и легендарный Калашников оказался разряжаться. Находящееся внутри автомата оружейное масло о замерзло и надежно склеило внутренности оружия в единый монолит. «Супернадёжный калашик» превратился в бесполезную металлическую палку. Автомат просто-напросто не захотел сниматься с предохранителя. Пришлось тупо отстегнуть магазины с патронами и забежать в караульное помещение, спасая остатки своего здоровья. Когда АК-74 соизволил оттаять и покрылся обильной испариной, смогли снять его с предохранителя, передернули затвор и произвели контрольный спуск. Обалдеть!

И такая ерунда повторялась целые сутки с периодичностью в каждый час, при каждом возвращении ребят с охраны постов.

Получается весьма неприглядная картина. Выходит, что часовые стояли на постах, фактически с бесполезной железякой. Шутки-шутками, но на наше искреннее удивле-

ние и недоумение, хваленый автомат Калашникова оказался неспособен переводиться в боевое положение в условиях аномально холодной зимы. АК-74 объявил перманентную забастовку, тихо протестуя против нечеловеческих условий службы.

Одна надежда, что в такой немислимый мороз ни одна вражеская скотина свой супостатский нос на улицу не высунет. Вопросов нет, в армии существует специальная оружейная смазка для условий Крайнего Севера и Заполярного круга. Но нам она не выдавалась по причине того, что Урал не подходит под определение Крайнего Севера, и тем более, под Заполярье. И такого знатного морозяки история Урала еще не помнит.

Пробежав целые сутки по постам «словно заведенные», абсолютно замученные и промерзшие, мы сдали караул следующим «счастливчикам». Чудом выжив в мерзопакостных условиях, 45-е отделение вернулось в лоно родной казармы.

В роте мы скинули оружие и патроны в оружейку. Что ни говори, а вера в легендарный «калашик» радикально пошатнулась. Так и рушатся легенды. Из-за такой мелочи, как смазка, например.

Проходя мимо телевизора, ребята слышали, как вечно

счастливым диктор с нескрываемым восторгом и стандартной улыбкой законченного идиота проблеял о документально зафиксированном рекорде в -52 градуса, которые сподобились порадовать население минувшей ночью. Оп-паньки! В ночь когда мы стояли во внутреннем карауле?! Лучше бы мы этого не слышали! И не ведали! -52!!! Шок! Какой, на хрен, рекорд?! Это уже не рекорд, а полный «аллес-*здец-кальтен-капут»! Но несмотря на все это, мы все-таки выжили!

Выдавив из себя все возможное и невозможное, а также потрясая нашу психику до самого основания, товарищ Мороз, вернее господин Великий Морозище наконец-то выдохся и пошел на попятную.

Температура воздуха повысилась до -37! Всего то?!. А завтра ожидается -31. И дальше будет лишь потепление до стандартных 25.

Ну вот, опять повезло. И именно нам подфартило проторчать во внутреннем карауле в самый кошмар?! Чем же 45-е так прогневало Всевышнего, что он нас планомерно испытывает на прочность?! М-де... а помнится на занятиях по философии кто-то говорил об эфемерной вселенской справедливости и всеобщей гармонии?! Что-то не верится...

Справедливости ради, хочется особо отметить, что все наши нац.кадры благополучно выжили и даже почти не обморозились. Так, почихали для приличия недельки две-три. Кое-кто небольшим воспалением легких переболел. Кто – односторонним, кто двухсторонним. Некоторые в окружном госпитале повалялись под капельницей. Но, тем не менее, выжили все! И это радует.

Зомбоящик

Культурная жизнь в военном училище не блистала насыщенностью и разнообразием. Главным и единственным официально разрешенным развлечением являлся просмотр информационных телевизионных передач. Но в строгом соответствии с планом воспитательной работы.

Как уже ранее отмечалось, телевизионные программы в училище ВВС просматривались исключительно во время, определенное распорядком дня. И обязательно полным составом роты. Отсутствие курсанта на процедуре просмотра программы «Время» приравнивалось к самовольной отлучке. Уважительных причин для увливания не существовало.

К этому виду «массового развлечения» отношение со стороны командования и политотдела училища было очень серьезное. Проводилось мероприятие организовано и строго по определенному сценарию, по заранее разработанной системе и многократно отработанному на практике алгоритму. В основе практикуемой системы лежала теория, основанная на принципах справедливости, равенства и братства.

Ровно в 21.00. личный состав 4-й роты в количестве сто сорока четырех голов размещался перед телевизором. При-

чем, размещался исключительно строем. Не удивляйтесь, именно строем. Не верите?! Попробую объяснить.

В 20.55. вечера дежурным офицером или старшиной роты подается команда.

– Рота! Для просмотра информационной программы «Время» приготовиться!

Все курсанты организованно бегут в спальное помещение. Захватив персональную табуретку с порядковым номером на сиденье, все выходят в центральный коридор казармы.

Кстати, порядковый номер на табуретке поразительным образом совпадает с номером на кровати и номером прикроватной тумбочки, а так же с номером на личных тапочках. Для примера, мой номер в пределах 4-й роты был – 138.

Чтобы составилось объемное представление, проведем небольшой экскурс по архитектуре казармы. Итак. Один из концов бесконечного центрального коридора, именуемого «взлеткой», упирался в тумбочку дневального и в перпендикулярный мини-коридорчик. Этот мини-коридор начинался у выхода из казармы, а заканчивался дверью, за которой располагался туалет. Так же в первом коридорчике размещалась оружейная комната, каптерка, бытовая комната, сушилка и

умывальник.

Второй конец «взлетки» упирался в аналогичный перпендикулярный коридор, ведущий в туалет. Тот самый, который находился в бесконечном процессе перманентного ремонта после экспериментов Нахрена со взрывчатыми веществами. Второй конец этого коридорчика упирался в запасной выход из казармы, который обычно запирался на замок. Во втором коридорчике находилась канцелярия командира, кабинет командиров взводов: лейтенанта Зайчика и еще двух «моральных недоразумений» с лейтенантскими погонами, «ленинская комната» и умывальник.

Если посмотреть сверху, то в проекции система коридоров роты образует растянутую по середине букву «Н». Попробуйте представить следующее. На границе сочленения главного коридора со вторым мини-коридорчиком, висел телевизор. Именно висел.

Не суперплоский плазменный телевизор, модно висящий на стене. Их тогда даже в дерзновенных проектах не было. Нет, достойный благоговейного почтения ламповый ящик с диагональю 61 см. После включения в сеть телевизор добрых полчаса неспешно и обстоятельно прогревался и лишь потом выдавал на экран жалкое изображение.

Массо-габаритными характеристиками это «произведение инженерно-технического прогресса» могло смело поспорить с параметрами небольшого, но упитанного бегемота. Тем не менее, телевизор был цветным, что уже радовало. В качестве пульта дистанционного управления использовался черенок от лопаты, один конец которого был аккуратно заточен до толщины среднестатистического указательного пальца. ПДУ напоминал кий для бильярда. Рационализаторская доработка ПДУ использовалась для удобства управления кнопками и регуляторами задранного под потолок телевизора.

Дабы замечательное великолепие висело и не падало на головы обитателей казармы, которые вечно шныряют в туалет и обратно, была сварена металлическая платформа. Сама платформа крепилась к потолочной арке посредством внушительных цепей. Воистину, как «гроб хрустальный» из стихотворения Пушкина о царевне и ее семи вооруженных дыхателях крепкого телосложения.

Цепи, державшие платформу гроба... то есть прошу прощения, телевизора... были привезены из речного порта, где служили в качестве надежной привязи для не очень большого корабля. Группа курсантов, временно переданная для оказания посильной физической помощи грузчикам речного пароходства, в качестве оплаты за «непосильный труд» по-

считала возможным прихватить в училище «абсолютно никому не нужную» цепочку. Куски цепочки мгновенно разошлись по братским подразделениям.

Соединившись воедино, платформа и цепи смотрелись очень гармонично, солидно, даже грандиозно. Точно такими же платформами для телевизионных приемников обзавелись все казармы в нашем училище. Потому как главное требование общевоинских Уставов: «Даже в безобразии должно быть единообразие!» Все и у всех в армии должно быть строго одинаково. На том армия стояла, стоит и стоять будет. Унификация!

Осмелюсь напомнить, что казарму построили плененные под Сталинградом немцы, которые отбывали трудовую повинность на Урале. В ностальгической тоске по далекой родине фашистская немчура создала архитектурный шедевр в виде нашей казармы: помпезные колонны и строгие арки в стиле тевтонских замков. Монументальная красота казармы вызывала благоговейный восторг, хоть экскурсии проводи или снимай кино о зверствах средневековой инквизиции. Подходящий антураж и для первого, и для второго.

Так вот, получив команду: «Рассаживаться»... не «Присаживаться», а исключительно «Рассаживаться», личный состав роты, в соответствии с утвержденным порядком, начи-

нал рассаживаться в колонны.

Число колонн в центральном коридоре строго соответствовало количеству учебных отделений в роте. Объясню на примере. В 4-й роте было пять классных отделений. Соответственно и колонн в сидячем строю было тоже пять. У каждого курсанта было строго определенное место, закрепленное только за ним. Меняться местами запрещено.

Первыми у телевизора садились сержанты – заместители командиров взводов. За ними – сержанты помладше, командиры отделений. А следом – прочая курсантская шелупонь, но в порядке прямо противоположном своему росту. То есть, самыми ближними к телевизору оказывались низкорослые курсанты. За коротышками размещались ребята среднего роста. А великаны и крепыши довольствовались местами на галерке.

Острота зрения зрителей при рассадке отчего-то не учитывалась. Вероятно, предполагалось, что у будущих офицеров Красной армии зрение должно быть строго «единица» или 100%. И в процессе обучения его параметры остаются неизменными, как масса электрона в вакууме.

Учитывая, что после обязательной медкомиссии на вступительных экзаменах, военные медики сразу и полностью

забыли о нашем существовании, то о сохранности здоровья курсантов можно бы поспорить.

При разработке системы культурного воспитания подрастающих офицеров, за систему отсчета бралось условие, что курсанты имеют исключительно орлиную зоркость.

Гениально-простое распределение курсантов по иерархии и ранжиру: по росту, весу и по жиру, по мнению командования давало возможность сержантам занимать привилегированное положение непосредственно у телеэкрана и гарантированно любоваться цветным изображением, пусть, даже весьма сомнительного качества.

Для рядового курсантского состава тоже соблюдался принцип справедливости. Высокие ребята сидели позади коротышек и не загораживали голубой экран своими мощными спинами. Генеральный секретарь ООН может спать спокойно. Права человека на свободный доступ к информации соблюдены и повсеместно реализованы.

Будучи высоким курсантом, я находился почти в километровой удаленности от «источника культуры». Мне, определенно, не везло. Я никогда ничего не видел и не слышал, по объективным причинам оставаясь за пределами политической жизни страны.

Используя полную политическую неграмотность, упираясь носом в широкую спину Лелика, я благополучно подремывал лишние тридцать-сорок минут в день. И на том спасибо.

В свою очередь, информационная программа «Время» обилием культуры и разнообразием информации не блистала. То очередной съезд, то внеочередной пленум. То всеобщее ускорение, то эфемерная перестройка чего-то где-то там. То награждение очередной медалькой очередного борца за мир во всем мире и т.д. и т.п.

Тем не менее, обязательный просмотр программы «Время» был санкционирован начальником училища и строго закреплён в расписании дня.

Замполит училища, тонко улавливающий любые незначительные изменения и глобальные шараханья в извилистом курсе партии, обеспокоившись уровнем курсантской грамотности и политкорректности, настоял на кардинальном увеличении объема просматриваемых телепередач. А как иначе, когда горбачевская перестройка на дворе?! Не грех и о перспективах для персональной задницы позаботится. Мало ли?! А то вдруг с теплого сиденья скovyрнут за политическую близорукость?!

С выходом на голубые экраны страны долгожданной, архаичной и архинужной программы «Прожектор перестройки», в Распорядке дня появилась «монаршая» запись о продлении «культурного времени» на целых пятнадцать минут.

В принципе, «Прожектор перестройки» – те же яйца, что программа «Время», только вид сбоку. Получилась такая же информационная мутотень, только еще более тоскливая и безысходная.

Но польза от нее несомненно была, ибо суммарное время моего сна, незапланированного и преступного с точки зрения Общевоинских Уставов, увеличилось в среднем до пятидесяти минут в день. Вот оно, счастье! Спасибо генеральному секретарю Горбачеву за перестройку. Ее позитивные плоды я ощутил непосредственно на себе.

Ограничивая время просмотра телеприемника, руководство училища искренне беспокоилось о сохранении нашего здоровья. Военные медики авторитетно вливали в курсантские уши, что при длительном просмотре телепрограмм ухудшается зрение, а в организме накапливается радиация, излучаемая некачественным кинескопом допотопного телевизора отечественного производства. Ну что же, мы ребята наивные, все поняли как надо. Сразу и на веру. Что ни гово-

ри, а культурная жизнь курсанта обилием событий и разнообразием не блещет. Это точно.

Тем не менее, нас все устраивало. В военном училище жизнь идет по принципу: «Лишь бы не стало хуже!» Если серьезно, то невинная песенка из репертуара Аллы Пугачевой с припевом «То ли еще будет, ой-ей-ей», после символической переделки стала гарантированным билетом на педсовет училища для рассмотрения вопроса об отчислении от дальнейшего обучения. Вот так!

Позиция отцов-командиров по культурному вопросу была прямолинейна и откровенна.

– Вас сюда учиться набрали, а не тИлИвизЕр смотреть. Учиться науке побеждать, а не по театрам и по музеям толкаться да книжки всякие читать. Билиби... либитристику, тьфу, язык поломаешь. И не ногами в мазурках буржуйских и вальсах всяких дрыгать. Устав, плац и матчасть вот курсантская стезя! А культурку во время увольнения в город почерпнуть можно. Или потом, когда офицерами послужите в гарнизонах типа Оловянное болото, Комариное стойбище или Червонодышло. Вот там в музеи и походите... в свободное от службы время. Ишь, распустились! Может вас еще в театр отвести?! Кто сказал, не помешает?! Шаг вперед! Ага, мундеркинд недоношенный, возмутитель спокойствия

и злостный нарушитель воинской дисциплины! Рота, смирно! Слушай состав суточного наряда!

Информационный голод длился по полгода, от отпуска до отпуска. Иногда в увольнении заглядывали в кинотеатр. Тайно читали книги. В основном, ночью в наряде на тумбочке дневального. Просвещались, как могли. Временами случались и неплановые приятные сюрпризы.

Блатной пост

В гарнизонном карауле был один замечательный пост, так называемый «блатной». Этот пост курсанты очень любили за его необычность и связанные с этим положительные и приятные моменты. В зимнее время это был самый обычный и абсолютно стандартный пост, а вот летом...

Прелесть была в том, что маршрут поста проходил прямо по улицам гостеприимного уральского городка. Объект охраны находился в центральной части города и представлял собой здание городского архива.

Старинный особняк располагался на пересечении двух многолюдных улиц и его охрана расценивалась, как настоящий «подарок судьбы» или билет в кино на увлекательный сеанс «Гражданская жизнь». Кому-то покажется странным, но самая обычная жизнь, которая активно кипела и шумно бурлила за высоким забором военного училища, ежеднев-

но проходила мимо нас, лишая элементарных радостей. Воистину, права народная мудрость: «по-настоящему ценится лишь то, чего ты лишен!» Кто служил, тот понял.

Человек с ружьем обречен тосковать по любому проявлению мало-мальской цивилизации. А тут целый архив. Да еще и в центре города. Не то, что в пыльное окошко на мир посмотреть, но и среди обычных людей по тротуару пошараться законная возможность имеется. Обалдеть, почти что увольнение в город. На свободу! Вот оно, маленькое счастье.

Гражданскому населению эти восторги не совсем понятны. Типа, чего тут такого?! Идешь себе по улице, ну и топай, куда надобно и зачем следовал!

Но для курсанта, который длительное время ходит исключительно строем и «в ногу», видит «грудь четвертого человека» и общается лишь с себе подобными «*homo sapiens*'ами», облаченными в военную форму цвета хаки, а также постоянно вдыхает запах портянок, фантастический амбре умопомрачительного бигуса и незабываемый аромат половой мастики образца 1936 года, не так все однозначно. Поверьте на слово.

Пройтись по улице, пусть даже, в границах поста, и жадно втянуть в ноздри пьянящие запахи улицы вперемешку с

выхлопными газами проезжающих автомобилей, насладиться чахлыми цветочками на ближайшей клумбе и неуловимым ароматом духов от «Красной Москвы» и «Дзинтаре» до супердефицитных «Клема» и «Пуазон» – это уже дорогого стоит. А сама возможность слиться с галдящей толпой и пройти положенные табелем пятьдесят шагов по периметру поста рядом со стройной девчонкой в полупрозрачном платье... Итак, архив.

Городской архив не имел внешнего ограждения. У него не было неприступного бетонного забора, колючей проволоки под высоким напряжением, мощных прожекторов на вышке, злых собак с бегунком на тросике вдоль периметра, капканов. Не стояли таблички с грозными надписями: «Стой! Граница поста! Стреляют без предупреждения!» Не было прочего стандартно-устрашающего антуража, который обязательно полагается мало-мальски серьезной организации.

Принадлежность старинного здания с откровенно обшарпанными стенами и вечно грязными стеклами к ценным объектам государственного значения, которые подлежат надежной охране, выдавало лишь наличие слабеньких и насквозь проржавевших решеток. Причем, только на тех окнах архива, которые выходили на проезжую улицу. И то, честно говоря, это были не внушительные решетки в полном смысле устрашающе-надежного слова: «РЕШЕТКА», а жалкое их

подобие «а-ля-теоретическое пособие для начинающего во-ра-дилетанта».

Так называемые решетки были смонтированы лишь на окнах первого этажа и висели на «честном слове». Они поскрипывали, вибрировали от малейшего дуновения слабого ветра, постоянно угрожая свалиться на голову прохожим.

Стены городского архива так же находились в плачевном состоянии. Они щедро осыпались отслоившейся штукатуркой. Складывалось устойчивое впечатление, что здание архива ни разу не красили и не ремонтировали со времени его первоначальной постройки в эпоху нашествия татаро-монгольского ига. В первую половину нашествия, не иначе.

О какой-либо системе сигнализации в середине 80-х годов прошлого века говорить не приходится. Не изобрели еще систему сигнализации. И в дерзновенных мечтаниях архивариусов даже не ожидалось.

Вот поэтому для охраны архиважных сведений, запрятанных в бездонных подвалах и всеми давно забытых, еженочно выставлялся пост с часовым, вооруженным автоматом Калашникова и двумя магазинами с тридцатью патронами каждый. По гениальной задумке коменданта гарнизона именно вооруженный вояка в полном объеме способен компен-

сировать отсутствие охранной сигнализации в здании архива. Исключительно грозным видом боец обязан отпугивать всевозможных злоумышленников, охочих до запыленных и местами заплесневелых государственных секретов.

Неторопливое и размеренное дефиле с героическим антуражем в виде автомата, всегда сопровождалось восхищенными взглядами подрастающего поколения. Часовой неизменно ловил любопытные и благожелательные взгляды многочисленных особей женского пола, уважительные взгляды мужского населения города и доброе отношение со стороны поколения стариков, переживших войну.

К тому же, у часового появлялась реальная возможность побаловать себя столь редкими для любого курсанта лакомствами, как мороженое или газировка. Подобная роскошь иногда удавалась, но на грани риска.

Бывало, сгоняешь «на форсаже» в ближайший магазинчик и отоваришься без очереди, пока начальник караула не видит и до смены не близко. Простые люди всегда относились к «солдатику» с пониманием и сердечной доброжелательностью.

– Вишь, человек с ружом! Некогда ему по очередям стоять, Родину охраняет! Енто тебе не хухры-мухры, понимать

надо! Отпусти, милая, касатику мороженое вне очереди, а мы подождем, сколько надобно. Эх, лишь бы не было войны!

Собственно говоря, а почему бы и не побаловать себя в рамках разумного, естественно?! Пост все равно остается в пределах видимости и пятисекундной досягаемости. Никуда этот архив не денется. Стоял и будет стоять. До нас стоял и после нас стоять будет. Причем, именно в таком же убогом и жалком состоянии. Была бы нужда, давно бы решетки заменили и новые запоры купили, а то входная дверь на одной петле болтается и в фасадной стене дыра сквозная. Того и гляди, все секреты сквозняком выдует.

Днем здание архива было до отказа заполнено умными и очень серьезными архивариусами в толстенных очках и в старомодных засаленных нарукавниках. Поэтому в рабочее время охранять его не имело никакого смысла. Тем более, что средний возраст архивной публики базировался в районе где-то глубоко за шестесят. Многочисленные дамы пенсионного возраста, работавшие в недрах пыльных хранилищ всевозможных секретных документов и не менее секретных кинопленок, по объективным причинам нас особо не интересовали. Если бы контингент архивариусов имел средний возраст восемнадцать-двадцать лет, тогда совсем другое дело. Драгоценный архив с превеликой радостью и фанатичным энтузиазмом охранялся бы круглосуточно. Даже в туалет со-

провождали бы, прости господи. А так увольте, неинтересно и бесперспективно с бабульками шуры-муры крутить.

Вечером после 19.00 и до 7.00 утра выставлялся двухсменный пост, по два часа каждому часовому. Получается весьма непыльная служба. Прогулял вечер. Скоротал ночку. С первыми лучами солнца пост снимается. А дальше – валяй себе «Ваньку» на топчане в комнате отдыхающей смены или торчи себе на калитке в караулке, что тоже совсем не в тягость. Вроде и в караул на сутки ходил, а в тоже время отдохнул и выспался. При благоприятном раскладе, еще с ненаглядной девушкой повидался, а то и поцеловался пару раз украдкой. Если совсем повезет, даже потискался. Только быстро, чтобы никто из прохожих не заметил. При «исполнении» все-таки. Лепота. Как на свиданку сбегал. «Блатной» пост, не так ли?!

После монотонного однообразия военного училища, расположенного на приличном удалении от городской инфраструктуры, этот пост расценивался почти как увольнение в город. Ибо у часового появлялась реальная возможность поглазеть на красивых девушек, успеть вдохнуть аромат их духов, улыбнуться. А при небольшом старании, зацепившись языком, не сложно выклянчить номерок телефона. Для общепризнанных ловеласов подобная практика не являлась какой-либо непосильной задачей.

Учитывая вышеописанные прелести, конкурс среди желающих заступить на пост у городского архива был очень высок. Практически 100% личного состава, включая женатых, рвалась именно на «блатной» пост. Курсантская братия ревностно отслеживала очередность и ротацию кандидатов. Особенно – весной или летом.

В текущий караул на «блатной» пост выпало заступать курсанту Копыто. По истечении календарного года томительного ожидания, подошла его очередь. Витя светился от счастья. Еще бы, завтра наступит знаменательный день, трепещите девчонки, Копыто выходит на охоту!

Виктор носился по казарме исключительно «на форсаже», напевая незатейливую песенку, при этом отчаянно фальшивя и безбожно перевирая слова. Неважно, Копыто был на седьмом небе в предвкушении долгожданного счастья. Он заблаговременно выстирал и идеально отгладил обмундирование ХБ. До зеркального блеска начистил бляху на ремне. Тщательно прогладив сапоги утюгом, старательно начистил их так, что в солнечный день смотреть на них без опасения ослепнуть не представлялось возможным.

Витька выбрился до синевы и на два миллиметра под кожей. Без малого, миллион раз покрутился перед зеркалом,

оттачивая суровый взгляд мужественного защитника Родины. Далеко не каждый артист так тщательно готовится к выходу на сцену, как готовился курсант Копыто к заступлению на охрану городского архива. Витя был в предвкушении звездного часа и сногшибательного успеха у местных красавиц.

Но как обычно бывает по «закону подлости», родители Виктора вызвали драгоценного сынулю на междугородние переговоры телеграммой «Молния». Копыто испытал моральный шок. Он напоминал боксера, посланного в глубокий нокаут.

Спустя пару часов после прочтения телеграммы «Молния», ступор немного отступил и Витя получил возможность внятно изъясняться. Скорчив обиженную рожу, Копыто захныкал, словно у него украли конфетку. Скомкав «Молнию», гундосо-шепеляво выматерился. Возможность услышать родные голоса радовала Виктора гораздо меньше, нежели смутная перспектива покрасоваться перед случайными прохожими и «зацепить» очередную неразборчивую мадам на вечерней улице.

Народ злорадно захихикал и единогласно проголосовал: вычеркнуть курсанта Копыто из списков кандидатов на «блатной» пост. Типа, теоретически дождался своего сча-

стья, а пощупал или нет – это уже второй вопрос.

Услышав о таком раскладе, Копыто чуть не отрекся от родителей и наотрез отказался идти на телефонные переговоры. Не поняв нашей шутки, Витя упирался до последнего, пока не получил «клятвенные гарантии», что его очередь не аннулируется, а лишь переносится на следующий караул.

После многократного подтверждения, Витя в самых расстроенных чувствах отправился на почтамт для долгожданных переговоров с Пилопедрищенском. Представляете, как котировалась очередь на «блатной» пост?! То-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.